

УЙГУН

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

МОЕ НАСЛЕДИЕ

Приходит в жизни каждому конец,
Мы все в земле когда-нибудь да будем,
Настанет час - от вас и я уйду
И передам свое наследье людям.
Я жалким скрягой не был - не скопил
В ларцах и сундуках богатств несметных,
Ни разу на бездушную корысть
Не променял я чувств своих заветных.
Ни золота, зарытого в земле,
Ни круглой суммы в кассе не оставлю,
Хоть был я жизнью щедро награжден
И горячо ее за это славлю.
И все же я - богач, такой богач,
Что и банкир со мною не сравнится,
Но я свое богатство раздарю -
В живых сердцах пускай оно хранится.
Не ройтесь по ларцам и сундукам -
В мой стол рабочий загляните сразу:
Да, вот мое наследье - сотни строк,
Читайте вдумчиво за фразой фразу.
Вам оставляю все мои стихи -
Мечты и думы, радости и горе,
А сам уйду - в природе растворюсь,
Как исчезает капля в вечном море.

ЛЮБОВЬ К ЖИЗНИ

Не смотри на седину моих волос,
А смелее загляни в мои глаза,—
Пламя юношеской радости увидишь,
Не туманит их печальная слеза.

Седина моя — лишь легкая зола,
А под нею угли жаркие горят,
Это пламя мы зовем любовью к жизни,
А любовь стареть не может, говорят.

Смех детей моих, радушие друзей,
Жизнь, цветущая вокруг, любимый труд
Вот источники, что мне даруют радость,
Отравить меня печалям не дают.

А проникли бы печали в грудь мою,
Сердце старое окуталось бы тьмой,
Пламя радости застлал бы тусклый пепел,
Оборвался бы навеки голос мой...

Март 1961

МАКИ

Степь цветет. Так вот она какая —
Наша несказанная весна!
Маки, маки — будто ширь степная
Вся от ярких шапочек красна.

Расцвелись степи, засияли...
Ах, какая красота кругом!
Я сказал бы — праздничные дали
Ярко-красным устланы ковром.

Разгорелись маков миллионы,
Маки, маки — будто в честь весны
Красные фонарики в зеленых

Бархатистых травах зажжены.

Я бы светлым праздником назвал их,
Ими все вокруг озарено,
Маки — будто в маленьких бокалах
Золотисто-красное вино.

Тысячи огней в траве атласной —
Я красивей не видал картин!
Маки, маки,— будто рдеет красный
Жар, рассыпанный среди равнин.

Может, это красными флажками
Первомай сияет и горит?
Может, это красными устами
Вешняя природа говорит?

Отблески ли в зеркале воздушном
Пионерских радостных костров?..
И поэт — к весне равнодушный —
Красным маком солнце звать готов.

Ах он выдумщик, ах, сочинитель,
Ах, восторженная он душа!
На весну вы сами поглядите,—
Как весна родная хороша!

Март 1961

ТАКЫР

Как будто внезапно вступаешь
В пустынный, неведомый мир:
Пред нами сухой, опаленный
Простерся бескрайний такыр.

Ни кустика здесь, ни травинки —

Все выжег мучительный зной,
В морщинах извилистых трещин
Белеет покров соляной.

Лишь вихрем до тусклого неба
Взметается желтая муть,
Как будто вздыхает печально
Такыра иссохшая грудь.

И чудится: в давние годы,
Проклятия злого страшась,
Покинула жизнь это место,
Навек от него отеклась.

Дымясь, как пустая жаровня,
Теряясь в унылой дали,
Легла раскаленная пустошь
До самого края земли.

Ни пятнышка тени отрадной —
Все плоско и голо кругом,
Как будто по этой равнине
Горячим прошли утюгом.

А солнце в бессмысленной злобе
Палит и палит с высоты,
И трещины жадно раскрыли
Сухие беззубые рты,
Но где же отыщется влага
Для этих томящихся губ?

Простерся такыр недвижимо,
Как всеми заброшенный труп.
Когда б этот труп бездыханный
Обрызгать живою водой,
Как в сказке, он тотчас бы ожил,
Оделся листвой молодой.

Мы песнями славим не даром
Наш гордый и сказочный век,
Я верю: хозяином строгим
Придет и сюда человек.

Не станет глядеть он с презрением
На горечь бесплодных земель,
Стереть, уничтожить пустыню —
Его благородная цель.

Он степь оросит и распашет,
Заглянет в ее глубину —
Поднимет тяжелую крышку,
Чтоб счесть золотую казну.

Простерся такыр безотрадный,
Полдненным огнем обожжен,
И чудится: в горькую думу
Он много веков погружен.

Быть может, давно он мечтает
О тысячах рук трудовых,
Быть может, немало сокровищ
Скопил он в своих кладовых.

Быть может, давно он томится,
В нетронутых недрах храня
Громадные залежи газа —
Родник голубого огня.

И стоит по-дружески руку
Бесплодной земли протянуть
Как сразу она приоткроет
Богатствами полную грудь,
Мужайтесь, бесплодные земли,—
Мы вас не оставим в беде,
Мы в знойное сердце пустыни
Проложим дорогу воде.

И, в пышный оазис вступая,—
В цветущий, приветливый мир —
Не будет и знать наш потомок,
Что здесь расстился такыр.

Октябрь 1956 — март 1961

ЯБЛОНЯ

Вот яблоня на маленьком дворе
стоит, застыв,
в ажурной белой ткани -
и оттого дороже мне вдвойне,
что возвращена
вот этими руками.

Я помню день, когда ее сажал —
как ликовал во мне и веселился
тот бог весны,
что с облаков сошел
и в плоть мою
невидимо вселился!..

Она стоит, как вызов небесам,
и счастлив я,
едва ее завизжу,
как будто бы теперь уже и сам
от этой хрупкой юности завишу.

О, с нами странно шутит бытие,
лишь одному себя вверяя часто...
Что яблонька?
А ведь не будь ее,
как был бы пуст
мой маленький участок!

Свой саженец однажды посади,
свой малый сад
не мерь шагами праздно —
и что бы ни осталось позади,
а жизнь уже,
ты прожил не напрасно!

И сад земли нам воздает вдвойне,
и мир богаче
от заботы нашей,
а всех-то дел:
на маленьком дворе
мы посадили деревце однажды...

Март 1961

БЕССМЕРТИЕ

(Из стихов о Хамзе)

Убийцы истину забыли:
Убить поэзию нельзя.
Хамзы оружие подхватили
И понесли вперед друзья.

Поэта громкий голос с нами —
Гремит со сцены и сейчас,
Владеет нашими сердцами
Его певучий звонкий саз.

Есть город имени поэта,
Волнуют нас до сей поры
Его «Да здравствуют Советы!»,
Его «Проделки Майсары».

Есть справедливое решенье,
Иного приговора нет.
Убийц презренных ждет забвеньё,

Убит, но вечно жив поэт.

Февраль 1961

ОТДЫХАЮ В РАБОТЕ

Ты говоришь, мой друг:
«Работать в меру нужно,
А хочешь отдохнуть —
закрой свою тетрадь...»
Но от безделья мне лишь муторно и душно,
Куда отраднее в работе отдыхать.

Наверно, скажешь ты,
что в этом смысла мало,
Понять не каждому поэта странный нрав,
Но если творческое есть в тебе начало,
Поглубже вдумайся: уж так ли я неправ?

Ведь если день прошел бесплодно и уныло,
Как будто лишним я, ненужным становлюсь,
И угасает дух, и убывает сила,
И близкой гибели невольно я страшусь.

А если за день
я хоть пару строф закончу,
Любуюсь и горжусь не зря прожитым днем,
И радость ширится,
и сердце бьется звонче,
И забываю я о возрасте моем.

Когда доволен сам работою своею,
То в жилах чувствуешь бодрящую струю.
Тебе признаюсь, друг: в труде я молодею,
В труде и красоту и счастье познаю.

Всегда гореть и петь —

сильнее нет желанья,
Не стану закрывать заветную тетрадь,—
Нет выше радости, чем радость созиданья,
И лучший отдых мой — в работе отдыхать.

Декабрь 1960

ТРУД

Хвала и честь тому,
чья жизнь труду посвящена,
Его народ благодарит
и славит вся страна.

Земля строга —
своих богатств задаром не дает,
Казну откроет лишь тому,
кто жаркий пот прольет.

Того, кто дело завершил,
часы отрады ждут,—
Как братья, об руку идут твой отдых
и твой труд.

Трудись —
иначе будешь ты презреньем окружен,
Кто не работает,
не ест — таков у нас закон.

Кто крепко подпоясав стан,
в труде душой кипит,
Тот никогда не будет знать ни горя,
ни обид.

На совесть потрудился ты —
тебе везде почет,
Тебя упорный,

честный труд высоко вознесет.

Наш век — великий
век труда, дерзаний и побед,
Бесстыдной вора и лжеца
никчемный дармоед.

Сухие степи в цветники
преображает труд,
Довольство,
счастье на земле приумножает труд.

Сады, заводы,
и дворцы, полей живой ковер,
Энергия бурливых рек
и недра щедрых гор,—

Поет и славит вся земля
великий труд людской,
Всегда вперед стремимся мы —
неведом нам покой!

Себя и мир преобразить
нам лишь в труде дано,
Что человека создал труд,
доказано давно.

Трудом красна,
трудом сильна людская жизнь.
Взгляни:
Как много на земле чудес творится
в наши дни!

Нет безработицы у нас,
открыты все пути,
И можешь дело по душе
повсюду ты найти.

Хороших
и плохих работ у нас не признают,—
Кто честно трудится,
для тех почетен каждый труд.

И весь народ благодарит
и славит вся страна
Того из нас,
чья жизнь сполна труду посвящена.

Декабрь 1960

МНОГОСЛОВНОМУ ПОЭТУ

«Болтливость — груз для ишака»,—
Услышал я от старика,
И прав старик наверняка:
Чем меньше слов — тем лучше.

Продумай каждый стих не раз,
Пока настраиваешь саз,
И скукою бесцветных фраз
Читателей не мучай.

Декабрь 1960

В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

Есть завещание великого Толстого:
Когда умру, не ставьте памятника мне.
И молча мы стоим у холмика простого
Под сенью липовой, в тенистой тишине.

Мы от забвения спасаем наших близких,
И чтоб не смыла их незримая волна,
На плитах мраморных,

на скорбных обелисках
Сусальным золотом выводим имена.

Но светлой памяти об этом человеке
Не нужно почестей,— он и без них велик.
Живым свидетельством останутся навеки
Страницы строгие его великих книг.

И столько правды в них —
суровой, благородной,
Что долговечнее они могильных плит...
Не холод мрамора — тепло души народной
Его прославленное имя сохранит.

Ноябрь 1960

В ЦАРСТВЕ ЦВЕТЕНИЯ

1

В Мирзачуле ты не был, так слушай
Я сегодня вернулся оттуда,
По рассказам чужим невозможно
И представить подобное чудо.
Дай восторгом с тобой поделиться,
Верь всему, что скажу, безусловно,
Извини моих песен горячность,
В ней кипящая радость виновна.
Мирзачуль — устаревшее слово,
Не найти там и следа пустыни.
Жалкой копией этого края
Даже рай показался бы ныне.
Там я был как во сне воплощенном,
Там укрылись пески цветниками.
Там сады и пышней и прекрасней
Тех, что здесь мы растили веками.
Там потоки с живою водою,

Там поля, словно прииск богатый,
В белом золоте, в золоте хлопка
Тюбетейки снуют и халаты.
Там цветы как ковер пестротканый,
Солнце там не беда, а отрада,
Там весной соловьиные песни
Льются ночью из каждого сада.

II

Да, была там когда-то пустыня,
Жизнь дремала в песчаной могиле,
Уходили к воде земледельцы
Или жалкую долю влачили.
Рыскал голод по желтым просторам
На горячем коне суховея.
И дехкане бросали селенья,
Об отпоре подумать не смея.
И земля, как дрова, прогорала,
И нельзя было сеять по пыли,
И белесые выходы соли
Для надежд наших саваном были.
Зла немало вершила пустыня,
Беспощадна, темна и убога.
Люди прошлого, с ней не поладив,
Ей названий придумали много.
«Злая степь»— ее звали казахи,
«Степь голодная»— русские звали;
Звали «Царством пустыни» узбеки.
Край, где беды всегда кочевали.
Но недаром грозу обещали
Революции вешние громы.
Ленин к нам обратился с декретом,
И вся жизнь потекла по-иному.
Счастье нас обойти не посмело,
Мы забыли о горе безликом,
И сама Сырдарья человеку
Служит нынче, подобно арыкам.

Превращение было, как в сказке,
Край пустынь распустился тюльпаном
Это чудо дехкане свершили,
Слава подвигам их безымянным!

III

Там сегодня цветут даже камни,
Там земля хорошеет упрямо,
Там герои рождаются, и каждый
Легендарного стоит Рустама.
Для мечты, для труда и покоя
Лучших мест я не видел ни разу.
Мирзачуль — драгоценная россыпь,
Что искрится, подобно алмазу.
Я слышал уже сказки и песни
О красе возрожденного края,
И его называть Мирзачулем
Можно, разве что жизни не зная.
Всем, кто был там, название такое
Представляется явным обманом.
Ведь земле, что цветет, подобает
Называться Мирза Гулистаном.
Я стихи сочинял до рассвета,
Рвал и снова писал я в смятеньи.
Ведь Мирза Гулистан — это значит,
Царство радости, царство цветенья.
Имя новое дать Мирзачулю
Надо тотчас же, я полагаю,
Невозможно ведь «Царством пустыни»
Называться цветущему краю.

Октябрь 1960

НАБРОСКИ

ВЕЧЕР НА МОРЕ

Солнце опустилось в волны
И пропало под водой,
Будто в чаше, влагой полной,
Уголь красно-золотой.

ДВА ДРУГА

Вдалеке валы морские
Закипели и слились,
Будто встретились родные,
Будто братья обнялись.

ГОВОРИ КОРОЧЕ

Ты пословицы старинной
Наставление цени:
«Многословье — груз ослиный».
Опасайся болтовни.

Июнь 1960

«ВЕРШИНА ДРУЖБЫ»

Сразу, с первого же взгляда,
Красотою нас пленила
Эта пестрая долина
У гряды Карпатских гор.

Мощь волшебницы-природы
Здесь видна с особой силой,
Все зовет, волнует душу,
Очаровывает взор.

Гор причудливых громады
И ковры полей просторных,
Живописные селенья

И журчанье чистых вод,—
Словно выбрав это место
После поисков упорных,
Здесь устроила природа
Выставку своих красот.

Мы пускаемся в дорогу,
А вокруг — пейзаж чудесный:
Зелень солнечной долины,
Синь карпатского хребта...
Для чего же людям нужен
Рай придуманный, небесный,
Если в мире существуют
Эти райские места?

Задыхаясь от восторга
И от утреннего ветра,
Мы несемся на машинах
По гудящему шоссе,
И в глазах рябит невольно —
Так все красочно и щедро,
Лишь теперь весну в Карпатах
Видим мы во всей красе!

Наверху, купаясь в небе,
Голубеют перевалы,
А внизу, как по ступенькам,
Серебрясь, бегут ручьи,
Вдоль дороги ветки машут,
Как резные опахала,
И снопами золотыми
В чащу падают лучи.

Веет запахом сирени,
С гор спускаются туманы,
Будто моются вершины,
Пену сбрасывая с плеч.
В горы мчимся мы стрелой,

А цветущие каштаны
Поднимают нам навстречу
Тысячи зажженных свеч.

Свысока на нас взирают
Неприступные отроги,
Но стремительные ЗИЛы
Набирают высоту.
Как чудесны здесь дороги —
Закарпатские дороги
Между кручами в тумане
И долинами в цвету!

Смело мчимся над ущельем,
Поднимаемся по склонам,
Где ковры лугов нагорных
Стелет щедрая весна.
Шелестит асфальт покатый
И на бархате зеленом
Отливает, серебрится
Полосою чугуна.

Мчимся... Надо торопиться...
Всех волнует ожиданье.
На обещанную встречу
Опоздать никак нельзя,
Там, на дальнем перевале,
Что едва сквозит в тумане,
Нам назначили свиданье
Закарпатские друзья.

Вот уже «Вершина дружбы»
Вырастает, как виденье,
Мощным гребнем прорезаясь
Сквозь седую пелену...
Сразу в сердце всколыхнулось
Небывалое волнение,
Будто в сказку мы вступили —

В богатырскую страну.

Легких туч внизу скользили
Серебристые подолы,
Зацеплялись за утесы —
За зубчатые края...
Вышли мы на склон зеленый,
Услыхали шум веселый —
Шли с цветами нам навстречу
Ужгородские друзья.

Хлеб да соль нам протянули
На узорном полотенце,
С песней каждому вручили
Луговых цветов букет,
И смеялись, обнимались
Закарпатцы и ташкентцы,
Как друзья, что повстречались
Через много-много лет.

Никогда я не забуду,
Как по-братски мы сидели
На крутой «Вершине дружбы»,
Утопая в облаках,
Как, на свежих травах лежа,
Мы шашлык душистый ели,
А потом пекли картошку
На веселых угольках.

Никогда я не забуду
Этой необычной встречи,
Долго длился между нами
Задушевный разговор,
Не забуду, как протяжно
Пел гуцул широкоплечий,
Будто к миру обращался
С высоты Карпатских гор.

Никогда от этой встречи
Не померкнет восхищенье,
И тепло рукопожатий
Не остынет никогда.
Что прекраснее на свете,
Что дороже и священной,
Чем содружество народов —
Братство мира и труда?

И отныне твердо знаю:
Эта дружба нерушима,
Мы ее могучий образ
Повидали наяву, —
Ярко в памяти сияет
Величавая вершина,
Сквозь серебряные тучи
Поднимаясь в синеву.

Апрель 1960

КИПАРИС

Красивый и свежий зимою и летом,
Он гордо стоит изваяньем живым.
Недаром старинным восточным поэтам
Хотелось любимую сравнивать с ним.

Не раз вместе с розой,
нарциссом, тюльпаном
Он звучный классический стих украшал.
«О ты, кипарису подобная станом!» —
Красавицу славя, поэт возглашал.

Волнует и ныне он сердце поэта,
Но чтобы с эпохой быть наравне,
Его бы сравнил я с зеленой ракетой,
Готовой вот-вот устремиться к Луне.

Ялта — Ташкент.
Ноябрь 1958 — январь 1960

ПУСТОТА

Когда-то про небесное пространство
Бездумно говорили: «Пустота»,
Но нет ни в чем на свете постоянства,
И даже пустота — уже не та.

Стремительной ракетой время стало,
Отбросив вспять былые времена,
И звездных братьев славой небывалой
Вся «пустота» вчерашняя полна.

Пустыню неба не назвать пустою
С тех пор, как, набирая высоту,
Мы вырвались орбитой крутою
В распаханную звездную мечту.

Январь 1960

ДРУГУ-МОСКВИЧУ

Сию с друзьями ночью новогодней.
Смех, и вино, и блеск счастливых глаз...
Мой друг—москвич, товарищ мой сердечный,
Как жаль, что с нами нет тебя сейчас!

Эх, если б ты сидел со мною рядом,
Была бы чаша радости полна.
Но ты вдали... А без тебя, признаться,
И вкус не тот у терпкого вина.

Ты скажешь: «Здесь и так гостей немало,

И о разлуке нашей не нолей!..»
И, эту мысль как будто подтверждая,
Гремит веселый смех моих друзей.

Ты прав, мой друг:
друзья — мое богатство,
Их у меня все больше с каждым днем,
И если всех собрать сюда сегодня,
То тесен стал бы мой просторный дом.

У каждого цветка — особый запах,
По-своему мне дорог каждый друг.
Пусть счастлив я в кругу друзей любимых,
Но без тебя не полон этот круг.

Ты — верный друг и лучший мой советчик,
Тебе окажем мы большой почет.
Скорей, мы ждем!..
Пускай сквозь ночь и вьюгу
Тебя на юг уносит самолет.

Будь с нами этой ночью новогодней
В знакомом доме, в дружеском тепле,
Поговорим о творческих дерзаннях
И о больших событиях на земле.

Поднимем вместе звонкие бокалы
За мир и труд, за радость новых дней
И пожелаем, чтобы год от года
Росли ряды испытанных друзей.

В такую ночь под нашу кровлю радость
Стекается со всех концов земли,
И все видней грядущих дней просторы,
Сияющие в утренней дали.

Так путник видит светлые долины,
Поднявшись на высокий перевал...

Мой друг-москвич! Пью за твое здоровье
Протягивая к северу бокал.

Декабрь 1959

ВЕРНЫМ БУДЬ

Кто связь с народом потерял,
счастливых дней не знает,
По жизни как впотьмах бредет —
других путей не знает.
Изменник родины, подлец,
вор, клеветник, стяжатель —
Покоя, счастья и любви
любой злодей не знает.
Как не бывает низких гор,
покрытых вечным снегом,
Так и ничтожная душа
больших идей не знает.
Любой, кто презирает труд,
достоин сам презренья,
Нет большей радости, чем труд,
а он о ней не знает.
Так, значит, верным будь во всем —
в труде, любви и дружбе,
Кто изменил хоть раз друзьям,
с тех пор друзей не знает.

Июль 1959

АРЫК

Беседует со мною до рассвета
Вода в ручье, не пробуя уснуть,
И капельки серебряного цвета
В окно мое стремится доплеснуть.

А я всю ночь строчу без передышки —
Не успевает набросать рука
Все, что ручью известно понаслышке
И что дошло до слуха ветерка.

Так хорошо звучат в ночном рассказе
Роса в цветах и отблески лучей!
Но, оборвавши на случайной фразе,
Черешню поит на бегу ручей...

Влечет меня бессмертье этих строчек,
Что нижет мне по капелькам вода...
Всю ночь я пел и буду петь все ночи,
И не окончу песни никогда.

Ноябрь 1956

ТОЛЬКО РАЗ УКРАДКОЙ ГЛЯНУЛ...

*Только раз украдкой глянул на тебя
И попался на цепочку золотую...
(Из народной песни)*

Только раз ты оказала милость мне —
Улыбнулась, подарила нежный взор,
И сгорели все преграды, как в огне,
И в душе не меркнет счастье до сих пор.

Только раз украдкой встретились глаза,
И надежда расцвела, как вешний луг,
Словно грянула внезапная гроза
И омыла, освежила все вокруг.

Только раз украдкой глянул на тебя —
И с тех пор я на цепочке золотой,
И прошу тебя, надеясь и любя:

Душу пленную вниманья удостой!

Только раз я поглядел... И без труда
Ты теперь меня ведешь на поводу.
Будь со мной, моя отрада! Никогда
От тебя влюбленных глаз не отведу!

Ноябрь 1956

САДОВНИК

Благоуханный праздник лепестков
Справляет розовато-белый сад.
Песчаной тропой, среди стволов
Брожу один, волнением объят.

О, сколько красок, запахов вокруг!
Шумят деревья сонною листвой,
Работает не покладая рук
В саду старик высокий и седой.

Почтительно здороваюсь я с ним,
Он мне в ответ кивает, как всегда,
И вот мы о деревьях говорим,
О радостях и горестях труда.

«Да, нелегко растить мне было сад,
Немало я вложил в него трудов,
Зато теперь пьянящий аромат
Сулит нам изобилие плодов.

Несется быстро времени река,
А сад растет и пьет горячий свет,
Быть может, добрым словом старика
Помянут внуки через много лет.

Эх, Если б только не было войны!

Могу я много насадить садов.
Ведь руки, друг, по-прежнему сильны,
Работать для народа я готов».

Трудись, отец! Не думай о войне.
Мы мир в борьбе упорной отстоим,
Чтоб не погибли саженцы в огне,
Чтоб расцветать и впредь садам твоим.

Апрель 1956

ГОЛОСА НА РАССВЕТЕ

Опять меня с рассвета будят звуки —
Не взрывы бомб и не орудий гром,
Нет, голоса могучих мирных строек
Упрямо раздаются за окном.

Лишь приоткрою я глаза,— и сразу
Мне голоса родной земли слышны,
И прямо в сердце льются эти звуки
Ручьями счастья, трепетом весны.

Куранты бьют уверенно и строго,
И слышен голос: «Говорит Москва!..»
И добрых новостей поток струится,
В душе рождая гордые слова.

Так чутко сердце, так рассвет прозрачен,
Что всей страны дыханье слышно мне:
Гуденье пароходов с Волго-Дона,
Свист самолетов в синей вышине,

Тяжелый гул нагруженных составов,
Бегущих сквозь сибирскую тайгу...
Гремит наш труд, гремит, как марш победный,
Друзьям на радость и назло врагу.

Не медлительных верблюдов,
а стремительных машин.
Славься, край наш изобильный —
ожерелье из жемчужин,
Славься наш народ счастливый —
неустанный великан!
По коврам долин осенних,
белым золотом нагружен,
Символ мощи и богатства —
едет красный караван.

Октябрь 1955

* * *

Гляжу с волнением на знакомый памятник —
На Ильича с простертою рукой:
Не памятник я вижу — вечный пламенник
Надежды, правды, радости людской.
А взлет руки напоминает каждому
Тот грозный час, когда с броневика,
Бросая вызов злу и мраку вражьему,
Призывно поднялась его рука.
Рукою этой строки он нанизывал —
Пророческие мысли- жемчуга,
Декреты справедливые подписывал
И слал отряды на разгром врага,
И щедрым взмахом по земле разбрасывал
Живые зерна будущих времен.
Огнем его немеркнувшего разума
Весь род людской сегодня озарен.
Здесь на рассвете Ильича встречаем мы,
И с каждым годом все яснее нам
Победный путь к счастливым, нескончаемым
Невиданно могучим временам.
Гляжу, гляжу на величавый памятник,
Душа, как горн, кузнечный, горяча,
И шар земной я вижу в зорях пламенных —

Сияющий, как сердце Ильича.

Декабрь 1954

* * *

На запад сонно клонится луна.
Иголкой тонкой блещет луч звезды.
Хлопчатник жаждет. Темнота полна
Серебряным журчанием воды.
Поля обходит поливальщик вновь,
Всю ночь сегодня глаз он не сомкнет.
Вода струится в листьях точно кровь.
Тускнеют звезды. Близится восход.
Тяжел и сладок предрассветный сон,
Вокруг — полей покой и тишина.
В заботы поливальщик погружен,
В такую пору, право, не до сна.
Он с детства любит свой нелегкий труд
Давно проник он в тайны ремесла,
Немало светлых, радостных минут
Ему работа в поле принесла.
Богатый урожай из года в год
Приносит нам осенняя страда.
От всей души благодарит народ
Солдат могучей армии труда.
И поливальщик, не жалея сил,
За урожай вступает нынче в бой:
Тоскующую землю напоил
Он досыта арычную водой.
Восток пылает, отступает тень,
Ручьи мерцают тусклым серебром.
Встречает поливальщик новый день
Самозабвенным радостным трудом.

Март 1955

* * *

Летит над нашею планетой
Знакомый серебристый голубь,
Несется символом крылатым
Свободы, счастья и добра.
Стремительный, неутомимый,
По всей земле он весть разносит,
Что человеческого братства
Близка желанная пора.

Нет для него нигде преграды,
Летит он смело и свободно
Над неприступными хребтами,
Над океанской синевой.
И пусть он с виду безоружен,
Но, в небесах его заметив,
Дрожат стервятники от страха,
Шакалы поднимают вой.
От взмаха непокорных крыльев
В смятенье палачи трепещут
И гаснут тлеющие угли
Братоубийства и вражды,
Встречают с радостью народы
Крылатого посланца мира,
И души гордых патриотов
Как сталь, становятся тверды.
Его увидев в ясном небе,
Ручонками ребята машут,
Вздыхают старцы с облегченьем,
Светлеют лица матерей.
Его на всех наречьях славят
Миролюбивые народы,
И на борьбу за жизнь и счастье
Встают ряды богатырей.
Его приветствуют повсюду
Все честные, простые люди:

И мудрой Индии дехкане,
И гордой Африки сыны,
И радость озаряет души
Униженных и угнетенных,
Что под пятою капитала
Еще страдать принуждены.
Где ни промчится белый голубь,
Рдеет мгла, яснее небо,
А вражьи замыслы и козни
Тотчас становятся видны,
И крики атомных маньяков
От ярости бессильной хрипнут,
И лапы судорогой сводит
У поджигателей войны.
Вот почему торговцы смертью
Его так люто ненавидят,
Вот почему в «свободном мире»
С такую злобой он гоним,
Вот почему убийцы жаждут
Его горячей, свежей крови,
И полицейские ищейки
Давно охотятся за ним.
Не раз поймать его пытались,
А голубь в руки не дается,
Сжечь на костре его хотели,
Но не сгорает он в огне,
Сгноить в тюрьме его грозились
Иль утопить в глубоком море,
А он не гибнет ни в застенках,
Ни в океанской глубине.
Да, ни насилью, ни коварству
Не поддается смелый голубь,
Из грязных рук убийц наемных
Он ускользает всякий раз —

И снова вольно реет в небе,
И пробужденные народы
С его упрямых белых крыльев

Не сводят восхищенных глаз.
Так почему же этот голубь
Ни пуль, ни яда не боится,
В огне палящем не сгорает.
Не тонет в глубине морской?
А потому, что он бессмертен,
Победоносный голубь мира,—
В нем воплотил свои надежды
Неистребимый род людской.
Кружись над нашею планетой,
Неутомимый голубь мира,
Зови к борьбе сестер и братьев,
Сердца мечтою окрыли!
Ты — вестник счастья и свободы,
Ты — вестник будущей эпохи,
Ты — негибаемая воля
Всех трудовых людей земли!

Июль 1951

* * *

На дворе стоит весна,
Вышел в поле весь колхоз:
Полевая тишина
Содрогается от гроз.

То рычит «универсал»—
Сеет юноша чигит.
Как он ловок и удал,
Как он опытен — джигит!

Хоть на лбу сверкает пот,
Но джигит неутомим.
С восхищением народ
Наблюдает за таким.

Вдохновением горя,
Он работой увлечен.
Лишних слов не говоря,
Превышает нормы он.

Это к родине любовь
В сердце мастера горит.
Сеет он, поднявши новь,
Жемчуга, а не чигит.

Это — мира семена!
Это — сила в наши дни!
Оттого лишают сна
Наших недругов они.

Знает это наш джигит —
И работа веселен.
Мирный маленький чигит
Бомбы атомной сильней!

Апрель 1951

* * *

(Из стихов о Фархаде)

Спустилась полночь.
Сырдарья, блистая
Течет и пропадает вдалеке.
И ярких звезд мерцающая стая
Спокойно отражается в реке.

В ночи поток рокочет бесноватый,
Пока, над ним ни света, ничего,
Пока что миллионы киловаттов
Запрятаны в течении его.
Кипит работа.

Где-то в отдаленье
Слышны удары, гул и голоса.
А девушка и парень после смены
Сидят вдвоем и смотрят в небеса

И девушка любимому сказала,
От звезд не отрывая глаз своих:
«Как много звезд над нами заблестало,
Что в мире может быть красивей их?»

«Те звезды вышли, чтобы любоваться, -
Ответил юноша любимой на вопрос,—
Великою работою фархадцев,
Которые красивей этих звезд!

И времени совсем немного надо,
Чтоб увидал весь край и вся страна,
Как перед светом нашего Фархада
Померкнут и созвездья и луна!»

1947

* * *

Любви этой нету границы.
В зеленых садах соловьи,
Влюбленных любимые птицы,
Поют от избытка любви.

И смерти на зло и на зависть
Дожди над садами весной
Проходят, чтоб яблоней завязь
Явила нам плод молодой.

И бабочки жизни во имя
Весь век свой — коротенький срок,
Махая крылами своими,

Порхают с цветка на цветок.

Цветы раскрывают бутоны,
Травой покрывается луг,
И ласточки смотрят влюбленно
На жизнь и цветенье вокруг.

А я не цветок и не птица,
И жизнь я люблю горячей,
Что может на свете сравниться
С великой любовью моей!

Любовь, не твоя ль это сила
Огнем озарила меня,
Кетмень в мои руки вложила,
Творить научила меня!

Любовь — это счастье. С тобою
Цветущим я сделаю мир.
В пустынях каналы я строил,
Ведя их сквозь мертвый такыр.

Когда же на землю отчизны
Ворвалась кровавая рать,
Во имя любви своей к жизни
Я встал и пошел воевать.

Осколки летели в траншеи,
И бой задышался в крови,
Но смерть отступала, бледнея
Пред силою нашей любви.

И вот из далекого края
Пришли мы — друзья по борьбе.
Любовь моя — жизнь дорогая,
Как прежде, я верен тебе!

О жизнь, не твое ли величье

Приветствует молота звон?
Тебе — это пение птичье,
Цветов благородный поклон!

Во славу великой любимой
И труд наш и песня певца.
Любовь моя неуголима,
Ей мною владеть до конца!
1946

* * *

Клеветников подвергнув критике,
Я ставлю иначе вопрос:
Считают осень только нытики
Верблюдом с грузом мук и слез.

Прохладная, но урожайная,
Ты — время ясной красоты.
Ты — яблоко! И не случайно я
Хочу румяным быть, как ты.

Весенний пот свой в дни осенние
Горами хлопка соберем.
Осенний день — как вдохновение
Со мной за письменным столом.

Забыли вы безосновательно,
Что осень — время всех отрад,
Что осень — ларь очаровательный,
Где рядом с дыней виноград.

Тучнеют овцы. Сыты лошади,
На всем обилия печать.
Ты — время самое хорошее,
Когда нам свадьбы начинать.

Осенний гимн мой, радость славящий,
Звучит особенно полно.
Как сладостно для нас, товарищи,
Осенней щедрости вино!

Ноябрь 1946

* * *

I
Я стану сед и тугоух,
Лицо сморщинится, пожелкнет,
Я сгорблюсь, но упрямый дух
Поэзии во мне не смолкнет.

II

Улыбчивым родился я,
Не плакал даже в детской зыбке.
Не снимет с уст моих, друзья,
И смерть знакомой вам улыбки.

Октябрь 1946

* * *

Прости меня! К тебе я был несправедлив,
Сказав:
«Мою любовь ты ставишь под сомненье».
О нет! Душа твоя — большой реки разлив,
Великодушие — достойно поклоненья.
Ты — сдержанности перл.
Но нет, не скептик ты.
Ты, не как я, мудра и долготерпива.
Как пылкая любовь слепящей чистоты
И выдержка в тебе сливаются на диво!

Вдруг чувствую: здесь воздух сердцу лаком,
Я розу приоткрытую привык
Считать любви неоспоримым знаком.
И часто я ловлю себя на том,
Что взор мой ищет розу постоянно,
Заговорю с друзьями за столом
И начинаю... с розы, как ни странно.

Ты — пленник роз! — зовут меня друзья.
Есть правда в этом прозвище, не скрою.
Возможно, что его достоин я...
Быть может, только я его и стою?...
Май 1946

* * *

Войдешь — и сердце станет биться,
Как в юношеские года!
Зерно увидевшая птица
Так жаждет выйти из гнезда.

Но ты уходишь. Час разлуки
Всю ночь отпугивает сон:
Он просто не дается в руки,
И с век моих слетает он.

Вот снова ты со мной осталась:
Вся жизнь мне снова хороша...
Уходишь — пополам сломалась
Моя печальная душа...

Весь мир сияет красотой,
Когда ты в нем. Цветут цветы...
Но уходя, все, все с собою
Обратно забираешь ты.

О, как мне звать тебя — не знаю:

Взойди луной, цветком цветы,
Но приходи ко мне, родная,
Не для того, чтобы уйти.

Май 1946

* * *

Ты не пришла, ты розы мне прислала...
Я на дороге ждал, я к ней прилип.
Скажи: когда букет ты составляла,
Не исколол ли руки острый шип?

Ты для меня и боль превозмогала.
Да, в этом и звучит твое «люблю».
Родная, лучше б лезвие кинжала
По рукоять вонзилось в грудь мою!

Сносить мученья — больше мне пристало.
Все одолею. Верь мне, будет так.
Ты не пришла, ты розы мне прислала,
А с ними чувства искреннего знак.

Букет из роз!.. Все в нем свежо и ало.
Твоих ли губ, твоих ли щек в нем цвет?
Глаза зажглись, и сердце застучало,
Когда я в руки принял твой букет.

Ты не пришла, ты розы мне прислала...
Я на дороге ждал, я к ней прилип.
Боюсь, когда букет ты составляла,
Колол тебе ладони острый шип.

Май 1946

* * *

В тот день смеялись девушки с рассвета,
Будто знали про влюбленного поэта,
Солнцем ласковым земля была согрета,
И сиял необозримый небосвод.

Улыбаясь, лепестки тюльпанов алых
Протянули мне вино в своих бокалах,
Вешний ветер обнимал и целовал их,
Приглашал меня в их пестрый хоровод.

Радость ширилась, ей не было границы,
Сердце билось, не могло уgomониться,
Любовался я, как в небе реют птицы,
Как река нетерпеливая течет.

Свежий ветер обнимал меня за плечи,
Соловей твердил восторженные речи,
И, взволнован ожиданьем новой встречи,
Шел я улицей, где милая живет.

Апрель 1946

* * *

Гляжу во двор: резвится и смеется
Мой Алишер, мой маленький сынок,
Как будто струйкою игривой льется,
Вплетаясь в жизнь, в ее большой поток.

Ох, нелегко вести себя примерно,
Когда шальные искорки в глазах,
Ему бы крылья — целый день, наверно,
Без устали кружил бы в небесах!

В долине детства так и я когда-то
Среди цветов, не ведая забот,

Шалил, играл с рассвета до заката,
Беспечно подрастал из года в год.

Теперь мой сын — живое повторенье
Тех невозвратных, тех чудесных дней,
Пусть жизнь и в нем пробудит вдохновенье,
Пусть будет он счастливей и сильней.

Настанет время и ему с рассвета
Следить, как сыновья его шалят,
Им передаст он жизни эстафету,
А внуки —правнукам ее вручат.

И вижу я: путем крутым и длинным
Сквозь будущего солнечный туман
Стремится вдаль — к сияющим вершинам —
Несчетных поколений караван.

Апрель 1946

* * *

Нынче ночи светлые такие,
Что иголка на земле видна.
Трудно в ночи светлые такие
Засыпать, когда горит луна.

Девушке не спится ночью ясной —
Сон исчез, рассеялся, как дым.
Что за чувства, что за мысли властно
Овладели сердцем молодым?

Отчего порывисто дыханье,
И глаза сверкают отчего?
Может быть, назначила свиданье,
Поджидает друга своего?

Если сон от милой убегает —
Значит, много у нее забот.
Если полная луна сияет —
Значит, хлопок на поля зовет.

Соберем при лунном свете! Что же,
Не трудней работа, чем всегда!
Хлопок нам убрать луна поможет
Прежде, чем наступят холода.

Ночь такая светло-голубая,—
То не продолжение ли дня?
Говорит коробочка любая:
— Ночь светла, легко найти меня!

На лицо красавицы ложится
Лунный луч. В полях луны разлив,
Девушка идет в поля трудиться,
О постели теплой позабыв.

Октябрь 1945

* * *

В цветнике за тобой я слежу:
Ты порхаешь, а мне это странно.
Я тебе откровенно скажу:
Ты беспечна и непостоянна.

Первый встречный обнимешь цветок,
В нем пробудишь любовь... Что за дело?
Перехватишь нектара глоток
И — на следующий полетела.

Легкомыслие — вся твоя суть,
Оглянись — это только начало:
Как неверен и скользок твой путь,

Сколько плачущих ты оставляла!

Мое сердце — тебе образец,
Нет, оно раздвоенья не знает,
Не тревожит невинных сердец
И с цветка на цветок не летает.

Полюбило один — и навек,
И, единственной верное страсти,
Обрело — уж таков человек!—
В постоянстве и радость и счастье.

Июнь 1945

* * *

Стало воров в нашей комнате много,
Будь осторожней — их трудно унять:
Солнце спешит твоё платье потрогать,
Зеркало хочет за плечи обнять.

Видел я, лезли в окно на рассвете
Дерзкие ветки завистливых роз,
И воровал безнаказанно ветер
Запах твоих разметавшихся кос.

Июнь 1945

* * *

Гладит легкий лунный свет
Лепестки цветов,
Над рекою соловей
Петь всю ночь готов.
Время замедляет шаг,
Словно караван...

Звуки льются чередой,
Уходя в туман.
Я в природе подстерег
Поэтический миг,
И почувствовал, как бьет
Чувств моих родник.
В ночь весны, когда цветы
Золотит пыльца,
Вечной жизни голос я
Слушал без конца.

Май 1945

* * *

Когда, опалены войной,
Стонали родины просторы,
О камни Ферганы родной
Он наточил клинок свой скорый
За родину и за народ,
За мирные леса и пашни
В крови врага он шел вперед,
Могучий, молодой, бесстрашный.

Как сокол быстр, как сокол смел,
Свершая подвиг величавый,
На крыльях мужества взлетел
Наш богатырь к вершинам славы.
Вина победы в пиалу
Налила родина герою
И русскому дала селу
Узбека имя дорогое.

Май 1945

* * *

Говорят, болезнь откроется всегда,
Хочешь скрыть ее — она еще видней!
Под завесою лукавства и стыда
Ты не спрячешь от меня любви своей.
Знаю: любишь, но скрываешь от меня,
Мне душа твоя видна теперь насквозь,
Притушить пыланье тайного огня
Все равно твоим глазам не удалось.
Пусть язык твой отречется от любви,
Но обманывать меня — напрасный труд,
С чистым зеркалом сравню глаза твои —
С головой тебя невольно выдают.
Если есть любовь, открой ее тайник,
Не упрямясь говори начистоту —
Все, что хочет скрыть лукавый твой язык,
Без труда в глазах правдивых я прочту.

Май 1945

ПЕСНЯ ЖИЗНИ

Жизнь люблю..
Неустанно люблю.
Всей душою приемлю ее.
Каждый миг всем дыханьем ловлю.
Я бессмертью учусь у нее.

Увлекая,
Маня, как весна,
Жизнь цветет и струится рекой.
Вот светильник Победы она
Зажигает волшебной рукой.
Я иду по весенней земле.
Как влюбленный, встречаю зарю.
Милый край улыбается мне,
Я спасибо ему говорю.

Пусть грозит и беснуется смерть.
В сердце места не будет тоске.
Я спешу.
Мне бы только успеть
Жизнь воспеть в полновесной строке.
И когда я закрою глаза,
Золотою листвой осенен,
Будут скорби звучать голоса:
— Это вечный природы закон...

Нет, не верьте, родные мои,
Никуда я от вас не уйду.
Строк моих не замолкнут ручьи,
Будут петь они
В вашем саду!

Отвергаю решительно смерть
И сейчас, и потом, вдалеке...
Я спешу.
Мне бы только успеть
Жизнь воспеть в сокровенной строке.
Я спешу.

Я хочу, чтобы жизнь
Наполняла отвагой сердца,
Чтоб, крутые беря рубежи,
Своего посылала гонца,
Поколенья пройдут чередой.—
И в каком-нибудь будущем дне,
За советом,
Как друг молодой,
Обратится потомок ко мне.

Жизнь люблю...
Неустанно люблю.
Всей душою приемлю ее.
Каждый миг всем дыханьем ловлю.

Я бессмертью учусь у нее.

Май 1945

ЧАС ВСТРЕЧИ

Была разлука долгая, как степь.
Четыре года
Я ждала тебя,
Не зная сна, тоскуя и любя,
Четыре года я ждала тебя.
Но не напрасно слезы я лила,
Росток надежды...
Прорастает он.
Созрел свиданья скорого бутон...
Четыре года я ждала тебя.
Взращенный мною расцветет
цветок —
Юдоль пустыни превратится в сад.
И в этот миг
Ты ступишь на порог.
Любимый мой.
Герой войны.
Солдат.

Май 1945

ДОВОЛЬНО БЫТЬ В РАЗЛУКЕ

Да разве станешь ты не так богат,
Коль мимолетный мне подаришь взгляд?
Народная песня.
Много ль достоинства вы потеряете,
Взгляд ободряющий мне подарив?..
Как вы меня и себя затрудняете,
Пламя в обоих сердцах засветив!

Хватит разлуки. Черед — единению,
Ведь после ночи рассвет настает.
Сердцу влюбленному вера — спасение:
Верит, надеется — и не умрет.
Я и надеюсь... Взгляните хоть искоса.
Жду и надеюсь я, жду и терплю.
Хватит ли жизни мне, чтобы вам высказать
Всю беспредельную верность мою!
Ни городов не прошу, ни имущества,
Только улыбку, один только взгляд:
В них величайшее ваше могущество,
Им, долгожданным, как буду я рад!

Май 1945

МОСКВА ЛУЧЕЗАРНАЯ

Что за ночь! Сиянье над Москвою,
Город полон блеска, посмотри:
Будто звезды — не стекло простое —
В окна вставлены и в фонари.

Вся Москва от края и до края
Лучезарный рассыпает свет,
Рвутся ввысь ракеты, возвещая
Радость величайшей из побед.

Празднует Москва, смеясь, ликуя,
Шумом, пеньем улицы полны...
Мрак крошечный, темноту глухую
Победили Родины сыны.

Май 1945

ВЕСЕННИЙ ВЕЧЕР

Я юнцом, а ты девчонкой
В вешний вечер здесь сидели,
О любви нам пели звонко
Соловьев лихие трели.

У ручьев кустилась смело
Юная листва сквозная,
И в сердца стремглав летела
Песнь любви, преград не зная,

Прядей кос твоих порывом
Ветерок касался вешний,
Лунный свет в вине игривом
Тайною манил нездешней.

Пьян от счастья, хмель шипучий
Я не тронул,— что мне в хмеле:
На меня с улыбкой жгучей
Очи милые глядели!..

Был я юн — почти мальчонка,
Ты — едва лишь расцветала.
Как сердца стучали звонко,
Как нам лет-то было мало!..

Стали мощны здесь стволами
Все деревья — в два обхвата,
Здесь не те цветы, что с нами
Были в юности когда-то.

Я уж тронут сединою,
И морщины — не моложе,
Годы вскачь бегут за мною,
Но взгляни: ведь сердце — то же!

Сердце полно той любовью,
Той же песней, тем волнением,
К той поре любовь сыновью

Я веряю вдохновеньям...

И хоть ты теперь далече
Со своей судьбой иною,
Как тогда, при давней встрече,
Ты всегда вдвоем-со мною!

Все — со мной, с моей мечтою —
Те улыбки, юность, ласки,
И с твоею красотой —
Песня соловьиной сказки...

И пока со мной то диво,
Значит — старость не настала:
Я в саду любви счастливо
Поживу еще немало.

Апрель 1945

МУЗЫКА ПОБЕДЫ

Гром завершающих атак.
За Одер
яростный рывок..
Поставлен на колени враг.
И это — на века урок.

Хотел он погрузить во мрак,
В оковы заточить народ.
Поставлен на колени враг.
Расплаты за злодеяния ждет.

Повержен враг — фашистский гад.
Где спесь недавняя, где прыть?..
Палач низвергнут будет в ад —
Нельзя убийцу пощадить!

Хотел он превратить в кошмар,
Сломить и погубить мечту.
Но Красной Армии удар
Пришелся по его хребту.

Был труден путь к победе,
Крут:
Осилив тысячи разлук,
Бойцы отважные берут
Цветы из благодарных рук.

Их, как гостей желанных, ждут,
И весть летит во все концы:
Освободители идут.
Идут советские бойцы.

Да славится отныне Мать,
Чьи руки нежные смогли
Сынов-героев воспитать,
Освободителей земли.

Апрель 1945

СОЛНЦЕ ФАРХАДА

Здесь проливают жаркий пот
Фархады, прорубая скалы.
Над древней Сырдарьей встает
Сиянье славы небывалой.

И позавидует звезда
Сиянью этому земному.
Повиснут в небе провода,
Пройдут к заводу молодому.

Здесь Ильича огням сиять!
Мы трудимся, и наши руки

С признательностью вспоминать
В веках грядущих будут внуки.

Здесь встанет чудом из чудес,
Как нашей силы подтвержденье,
Отчизны гордость — Фархадгэс -
Узбекистана украшение.

Отсюда в новые века,
Созвездий всех светлей и краше,
Сияя, потечет река —
Свидетельство победы нашей.

Здесь трудятся богатыри,
Хотя война еще пылает.
Я знаю, солнце Сырдарьи
Над нами скоро засияет.

Март 1945

ШАГАЙ, ТОВАРИЩ

Шагай, товарищ! Цель близка.
Смотри: Берлина вьется дым...
Сжимает автомат рука.
Мы победим. Мы победим!
Спешите преградам вопреки.
Огнем лети в крошечной мгле.
В Берлин ворвутся смельчаки.
Мы будем тоже в их числе.
Шагай, товарищ! Знай, сейчас
Секунды медлить нам нельзя.
С надеждой мир глядит на нас,
Ждут нашей помощи друзья.
В пути мы отомстить должны
За слезы бедных матерей,
За все дома, что сожжены,

За всех загубленных детей...

За плач невест среди пустынь,
За боль и кровь лихих годин,
За прах разрушенных святынь
Мы отомстим. Мы отомстим!
Хотят укрыться палачи,
Держать ответ настал черед,
Нет, им не спрятаться в ночи.
Их ждет позор. Погибель ждет!
Мы знамя нашего полка
Победным утром
водрузим,—
Шагай, товарищ! Цель близка,
Смотри: Берлина вьется дым...

Февраль 1945

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Окончен бой.
Свободен город.
Свершилось, наконец. Сбылось.
Вчера лишь
Смерти лютый холод
Его пронизывал насквозь.
Мечом разбиты вражьи цепи.
Встречает город торжество.
Возмездия горячий пепел
Лежит на улицах его.
Освобожден прекрасный Киев.
В руинах весь.
Но не убит.
Как птица, всем размахом крыльев
Из клетки сломанной летит.
Вновь
Руки ощущают солнце,

Траву в мерцающей росе.
Шагает девушка. Смеется.
И слезы счастья на лице.
О Родина! Твое дыханье
Навеки, до скончанья дней,
В разлуке, в муках ожиданья
Еще светлей,
Еще родней.
О Родина! Твои просторы:
Сады густые и поля,
Потоки шумные и горы —
Моя надежда,
Жизнь моя!—
Так шепчет девушка, ступая.
Отчизна-мать ее зовет.
А рядом песня озорная.
Гармонь без устали поет.

Освобожден прекрасный Киев.
Огонь пожарищ не потух:
Глаза девичьи голубые
Ты встретишь...
И захватит дух.
Она идет. Почти подросток.
Смеется,
Тонкий луч поймав,
И моет золотые косы
В Днепра серебряных волнах.

Февраль 1945

НЕВЕРНОЙ

Что за нужда была в любовь играть,
Выдумывать себе и мне мученья,
Горячим взглядом сердце обжигать,
Искать губами губ прикосновенья?

Теперь иная у тебя любовь,
Теперь по вечерам ты ждешь другого...
Скажи мне, в души скольких простаков
Вложила ты огонь, тебе не новый?
Нет, не любила и не любишь ты.
Да, я мечтал, а ты лгала, наверно...
Как далеки желанья от мечты,
Когда живут они в душе неверной!
Хоть в будущем «любовь» не поминай,
К чужим губам протягивая губки,
Отраву с губ своих не растворяй,
Не передай ее в любовном кубке.
Мне больно, но тебя я не зову,
Хоть голова в огне и сердце ноет.
Любовь прекрасна! Сам отныне рву,
Неверная красавица, с тобою!
Октябрь 1944

САЛЮТ МОСКВЫ

Пройдут бои, тысячелетья минут,
Умолкнут отзвуки грозových лет,
Быть может, в мире вырастут растенья,
Которых нынче и в помине нет.

Быть может, высочайшие вершины
Чреда веков с лица земли сотрет.
Но и тогда до новых поколений
Один могучий, гордый гром дойдет.

Тогда история потомкам скажет:
До нас, через века минувших лет,
Домчался гром московского салюта
В честь величайшей из всех побед.
Август 1944

РАДОСТЬ ЦВЕТКА

Вот он растет, осыпанный сияньем,
В холодноватых капельках росы,
Цветок весенний, гордый обаяньем
Своей румяной, сдержанной красы.
Торжественно стоит он на дороге,
Всем говоря о недалеких днях,
Когда заблещет в радостной тревоге
В победный час у воина в руках!
Апрель 1944

* * *

Если в час разлуки ты увянешь
Если в час разлуки ты увянешь,
Это значит — ты мне не верна.
Если ждать меня с надеждой станешь
И разлука будет не страшна.
Кто дыханье розы пить стремится,
Кто собрать желает сладкий мед,
Тот шипов колючих не боится,
Пчел сердитых не страшится тот.
Апрель 1944

ЛЮБЛЮ

Сердце твое не склонно ко мне.
(Узбекская народная песня)

Пускай твое сердце не склонно ко мне —
Я розы тебе принес.
Быть может, хоть раз улыбнешься мне
Ради вот этих роз.
Не стану настаивать я — прошу
Всего об улыбке одной,

А в просьбе откажешь,— розы мои
Сорной считай травой.
Люблю, и немилость твою люблю,
Тебе я твержу одно:
«Пускай твое сердце не склонно ко мне,
Люблю тебя все равно!»
Март 1944

НЕ ПЛАЧЬ!

Слезы — признак не одной разлуки,
Льются и от радости они.
О, не плачь, возьми себя ты в руки,
Для свиданья слезы сохрани.

Ты сейчас напрасно слезы тратишь,
Слезы будут в радости нужны:
Скоро ты от радости заплачешь,
Близок день, когда вернусь с войны.

Мне уже обратная дорога
Видится вдали: не плачь пока.
Чистых слез понадобится много,—
Наша радость будет велика.
Март 1944

ДОРОГА СОЛНЦА

Я иду на запад. Я тобою
Назван солнцем — так зачем рыдать!
Словно солнце, утренней порою
На восток я возвращусь опять.
Я к тебе, мой друг, поспею к сроку,
Мною наш восток не позабыт,
Но дорога к милому востоку
Через запад для меня лежит.

Душу горькой думою тревожа,
Не горюй: час утра недалек.
К западу уходит солнце тоже,
Чтобы возвратиться на восток!
Март 1944

ПЕСНЯ ДЕВУШКИ

Нужно плечи, как у великана,
Чтоб разлуку тяжкую поднять,
Нужно сердце пламенной тюльпана,
Чтоб всегда надеяться и ждать.
Если так, то не вини за муку
И за слезы на лице моем...
Я несу, я вынесла разлуку —
Назови меня богатырем!
Март 1944

РАСЦВЕЛА ФИАЛКА

Расцвела фиалка... Средь травы прибрежной
Светится лиловый с золотым глазок.
На ветру качаясь с прелестью небрежной,
Смотрится фиалка в пенистый поток.
Расцвела фиалка... Вон, за поворотом,
Цвет ее лиловый в девичьих руках.
Я в глаза фиалки глянул мимоходом
И тоску в лиловых прочитал очах.
Друг мой! Мы заждались твоего приезда,
Приезжай с победой, приезжай с войны.
О тебе тоскуют и твоя невеста,
И твоя фиалка на полях весны.
Февраль 1944

ЧЕМ ДАЛЬШЕ — ТЕМ БЛИЖЕ

Ты сказала: «Очень тяжело мне:
Друг далеко, он в краю чужом.
Эта даль все дальше и огромней,
Все труднее — с каждым новым днем.
Я устала прятать в сердце муки,
Я устала терпеливо ждать,
Эту книгу страшную разлуки
Я уже не в силах пролистать...»
Жди его упрямо, дорогая,
Будь тверда душой, как воин твой.
Чем он дальше от родного края,—
Тем скорей воротится домой.
Февраль 1944

ВЕЧЕРОМ, КОГДА ШЕЛ СНЕГ

(Моему сыну Алишеру)

В этот вечер, когда падал снег за окном
И в печурке моей догорали огни,
Мы с тобою, малыш, оказались одни
И сидели, беседуя тихо вдвоем.
Ты спросил невзначай:
«Папа, кто ты такой?»
«Я поэт!»— отозвался доверчиво я,
Не подумавши, что откровенность моя
Неожиданно станет большою бедой.
— «Ну, вставай-ка, поэт,
и пиши мне стихи!..
Ну, бери карандаш! Ну, пиши поскорей!..»
О, мой сын! В этот вечер затеей своей
Ты меня наказал за какие грехи?
Ты меня тормозил, ты ко мне приставал,
И не в силах один переспорить твой нрав,
Взял я свой карандаш, и минуту поймав,
Снисходительно несколько строк написал.
Говорят,

что не скажешь «ляббай» второпях,
Что капризную рифма имеет судьбу.
И увы, вместо жемчуга в этих стихах
Лишь жемчужины пота блестели на лбу.
Ты рассеяно слушал, вихры теребя:
«Ну и вышел стишок! Непонятный какой...
Папа, ты для меня постарайся другой,
Чтоб хороший!
А этот... возьми для себя!»
О, как звонко твой смех
раздавался кругом!
Я бы тоже смеялся тогда за двоих,
Если б другом твоим оказался мой стих
В этот вечер, когда, падал снег за окном.
Январь 1944

ЗИМА

От снега, что ватой лежит на земле,
Светлее туманная ночь на лугу,
Рождается солнце в предутренней мгле
И пишет пером золотым на снегу.
С любовью читаю посланье лучей:
В нем весть о посевах, что дремлют давно,
А скоро, чуть станут лучи горячей,
Ручьями заблещет на солнце оно.
И в нем отразятся сады и поля,
И зреющий в сонной тени виноград,
Созвездья гранатов, айвы, миндаля
И яблوك готовый обрушится град.
Чудесен сверкающий этот баяз,
Где что ни страница — в литом серебре,
И солнце само восхваляет, дивясь,
Грядущую осень еще в январе.

Пороша — зиме словно лету — тепло.
Беда, если будет бесснежной зима,

Недаром твердят: «Коль снега намело,
В дни осени будут полны закрома».
Поэтому, если снежинки, скользя,
На землю ложатся белей полотна,
Я радуюсь щедрости зимней, друзья:
Обильный залог урожая она!
Пусть белый покров заметает сады,
Он влагу подарит цветущей весне.
Как в мае цветенье, как летом плоды —
Зимою люблю я серебряный снег.
Декабрь 1943

ВОЗВРАЩЕНИЕ

На третий день вошли в село мы,
Прошли меж голых труб печных.
Нам были улицы знакомы,
Но мы не узнавали их.
Одна зола вокруг лежала,
И дотлевали головни.
Но Катерина ждать не стала
И лес покинула в те дни.
Казалось девушке: на свете
Такое счастье расцвело,
Что греет и холодный ветер,
Что в старом платье тепло.
Сгорела Катерины хата,
Фашисты все сожгли до тла,
Но девушка была богата
Уж тем, что радостна была.
К ней через выжженное поле
Летела золотая весть;
Возвращены ей свет и воля,
И родина ее, и честь...
Ноябрь 1943

НОВОЛУНЬЕ ПОБЕДЫ

На поверхности синей днепровский волны
Отражен богатырский клинок золотой,
И волна, словно ясное небо весны,
И клинок, словно месяц его молодой.
О, какой несказанной полно красоты
Отражения выгнутое лезвие...
Новолунье победы! Как радуешь ты —
Долгожданно и щедро сиянье твое! *
Ноябрь 1943

ПОРТРЕТ

«О, как тяжела мне разлука с тобой,
Пришли свой портрет — я утешусь им...»
Так ты мне пишешь. Но мой портрет
Тебе неужели необходим?
Ты хочешь лицо мое повидать —
Оно, как луна, точь-в-точь — погляди.
Ты хочешь кудри мои увидеть —
Не спи — на безлунную ночь погляди.
Ты хочешь брови мои увидеть —
Как тоненький новый месяц они.
Ты хочешь мои глаза увидеть —
На самые светлые звезды взгляни.
Ты щеки хочешь мои увидеть —
Отправься гулять на тюльпановый луг.
Ты хочешь губы мои увидеть —
Взгляни поутру на розу, мой друг.
Ты хочешь зубы мои увидеть —
Поведуй жемчугу просьбу свою.
А чтобы всю меня повидать,—
Приезжай, победивши врага в бою.
Ноябрь 1943

Где рдеет роза и тюльпан,
Тобой отрады бытия
И счастья дан мне талисман.
Твоею грудью вскормлен я,
Ты — мой шатер, мой отчий стан.
Пройди все страны и края —
Нет в целом мире лучше стран!
Но в миг любой я за тебя
Умру, родной Узбекистан!
Ты золотых долин страна,
Ты гор сияющий берилл.
Ты песен радости полна,
Меня напев твой покори.
Да блещет, не омрачена
Зловещей тенью вражьих крыл,
Твоя бессмертная весна,
Чей цвет нам Ленин подарил,
Когда свободна и сильна
Ты гордый выпрямила стан.
Твои сады, холмы, поля,
Ручьев каскады — красота!
Нагорья, где бегут, пыля,
За стадом стадо, — красота!
Твой синий свод, твоя земля
И зорь наряды — красота!
И все в тебе, на что бы я
Не бросил взгляда, — красота!
Затмил бы легендарный рай
Мой лучезарный Гулистан!
Бесчисленно свое добро —
Добыча доблестной руки,
Шелк, золото и серебро,
Хлеб, хлопок, нефть и рудники.
Несущие твое тавро —
Как вихри, скакуны легки,
Твое оружие остро,
Щиты булатные крепки.
О ты, прославленный мой край,

Чье имя сладостно устам!
Как ты огромен, край родной!
Твой — Каспий, Балтика — твоя!
Перекликается с Невой,
Днепром и Доном Сырдарья.
За Харьковом, за огневой
Грозой — лежат твои края...
Гордись! С великою Москвой,
С Россией — ты одна семья!
Дай крылья пролететь по всем
Священным для меня местам.
Когда осатанелый враг
Ворвался в мирный наш предел,
Свой устилая каждый шаг
Руинами, горами тел,
Чтоб не домбра в твоих садах,
А цепь звенела, кнут свистел,—
Ты стал с мечом в стальных рядах,
Ты стать рабом не захотел.
Собачья смерть поганым псам!
Беда непрошенным гостям!
Так пусть летят во весь опор
На бой твои богатыри!
От черных орд — родной простор
Очисти, солнцем озари!

Рази — безжалостен и скор,
На вражьи слезы не смотри!
Внутри его змеиных нор
Топчи врага, во прах сотри!
Победоносною стопой
Пройди по вражеским костям!
...И он придет — конец войне,
Настанут отдых, счастье, мир,
Вернется на лихом коне
Домой твой первенец — батыр,
Что грезится тебе во сне,
Тот, без кого очаг твой сир...

Ты кликнешь клич по всей стране
И соберешь друзей на пир.
И в день победы в честь тебя
Мой лучший зазвучит дастан.
Февраль 1943

НЕ СЕРДИСЬ

Не сердись на меня за молчанье,
Я тебя позабыть бы не мог.
Все признанья мои, как посланья
Вдаль уносит к тебе ветерок.
Я прошу перелетную птицу
Все подробно сказать обо мне,
Если ей по дороге случится
Ночевать и в твоей стороне.
Вижу в небе крыло самолета
С пятилучною красной звездой,—
Если б мог я в кабине пилота
Сделать круг над твоей головой!
Не сердись на меня за молчанье,
Нет времени письма писать.
Я отчеству дал обещанье,
Я стране обещал наступать.
Февраль 1943

В БОЮ

И в бою душа к тебе стремится.
Махалля твоя, твой милый дом,
Над мотками шелка — мастерица,
Оружейный мастер над станком;
Старый сторож твоего колхоза,
Сына проводивший на войну,
Твой цветник украсившая роза,
Жеребенок, верный табуну;

Воробьиный выводок, ягнята,
Куры, что купаются в песке,—
Твой кишлак счастливый и богатый
Предо мной проходит в далеке.
И мечтаю, и мечты, как птицы,
В дальний направляются полет.
И в бою душа к тебе стремится,
Слышу — голос твой меня зовет!
Я лежу в окопе, я стреляю,
Я вступаю в рукопашный бой,
Я в бою тебя не забываю,
И в бою твой образ предо мной.

Январь 1943

ДВА СЛОВА...

Если б знала ты,— какая радость
Издали конверт увидеть твой!
Ваших писем несказанна сладость
Здесь, на линии передовой.
В блиндаже, от битвы отдыхая,
Ждем известий мы издалека.
Каждая строка твоя живая
Бесконечно сердцу дорога.
Ваши письма — радости основа.
Писем нет — печаль терзает нас.
Две лишь строчки напиши, два слова,
Каждое — прекрасней, чем алмаз.
Те слова сильны великой силой,
И они — оружие на войне.
Так не изменяй привычке милой
Постоянно думать обо мне.
Январь 1943

ПРОШУ

Я прошу тебя: в бой пусти!
Жизнь и честь я ей отдаю.
Может враг убить меня,— пусть,
Не попрасть ему честь мою.
Враг не сможет меня сломать,
Он меня не собьет с пути.
Всей любовью, Отчизна-мать,
Я за Родину в бой прошусь,
Если ж я твой победный путь
До конца не пройду с тобой,
Вспомни, Родина, не забудь:
С твоим именем шел я в бой!
Январь 1943

НОВОГОДНИЕ СТИХИ

I
НОЧЬ

Поэт, взгляни, как серебрист
Снег за твоим ночным окном.
Он, как бумаги белый лист,
Алмазным тронутый стихом.
Какая ночь! Как много звезд,
Горящих в зеркале снегов!
Как новогодний дружен тост
В честь сыновей и женихов!
В огне рожденный боевом,
Победой начат этот год.
Стаканов звон, орудий гром
Нас на врага зовут вперед.
Мы гоним, мы тесним врага.
Победный гром нам шлет привет.
Горят январские снега
Лучами будущих побед.

II ЖЕЛАНИЕ ВЕСНЫ

Новогодняя ночь голубая
Нарумянила щеки твои.
И мне снится весна молодая,
И под снегом поют соловьи.
А окно — в чешуе от мороза,
Ты смеешься: «Ну, где там весна!»
Почему же, как нежная роза,
Ты цветешь над стаканом вина?
Почему же сияньем богата
И приветом твоя красота?
Почему же краснее граната
Темно-красные эти уста?
Словно мрамор январская стужа,
Ночь блестит серебром ледяным.
Почему мы цветом, почему же?
Оттого, что весны мы хотим.
Ожидают весну все долины,
Все вершины великой страны,
Белоруссия и Украина
В ожиданье могучей весны.
Снег горит без конца и без края,
Но весна улыбается мне.
Новогодняя ночь голубая
Говорит о победной весне.

31 декабря 1942

ГОРЫ

Седины свои обмотав облаками,
Эльбрус и Кавказ, смотрят вдаль, старики.
И кружат и кружат, и машут крылами
Орлы, как неслыханные мотыльки.
В смятении тучи и горы в смятении,

И мечутся крики тревожных орлов.
Пылают сады, догорают селенья,
И кровью наполнились русла ручьев.
Кругом нарастание битвы великой,
Что горы до самых основ потрясла.
И небо оглохло от яростных кликов,
И трупы на трупах, и нет им числа.
И дрогнули обе горы, пред собою
Увидев подобье сплошного костра,
Увидев, как в пламени, в ужасе боя
Растет, поднимается третья гора.
Огромней Эльбруса, огромней Казбека,—
С вершины ее ты увидишь Берлин.
Такого не видели горы от века,
Стоят, онемев от подошв до вершин.
Не камни — голов человеческих навалы,
Вся в пепле кровавом гора-великан,
Кружит воронье над горой небывалой,
И вся она в пламени, словно вулкан.
Встревоженно горы спросили ответа:
— Какая гора там в пожаре костра?
И грозно орлы отвечали им:— Это
Из трупов разбойников-немцев гора...

Ноябрь 1942

ВОСПОМИНАНИЕ

Хотя разошлись мы по дальним краям
И нас разлучила надолго война,
Но все наши мысли уносятся к вам,
Любовь наша с вами на все времена.
Когда по садам пробегут ветерки,
Когда раскрывает бутон лепестки,
И роза, блистая, цветет меж ветвей,
И, жизнь прославляя, пост соловей,
Когда наливаются соком плоды

И сумрак пронзается светом звезды,
И солнце улыбкой горит золотой,
И дети, смеясь, ему машут рукой,
И сазы звучат и певцов голоса,
И песни уходят легко в небеса,
Когда поднимает нас жизни волна,
Когда вспоминается наша страна,—
Тогда наша мысль устремляется к вам,
И наши слова посвящаются вам.
Вы так далеко, мы в разлуке сейчас,
Но скоро наступит день радостных встреч.
Вернетесь домой,— прошумят по стране
Победная песнь и счастливая речь.
Сентябрь 1942

НОСИТЕЛИ ЗЛА

Видя руины и прах пред собой,
Два белорусских грустят старика:
«Что это стало с лесною травой?»
«Что ж на лугах не найдешь ни цветка?»
Первый сказал: «Это волки прошли,
Всюду оставив свой мерзкий, помет,—
И оттого и цветы отцвели,
И оттого и трава не растет».
Но головою качает второй
И говорит он такие слова:
«По лесу волк пробежит матерой —
Не увядает лесная трава».
«Значит, змеей наш цветник осквернен —
И от змеиного яда уныл».
«Тоже неверно».
«Тогда — скорпион
Влажные наши края посетил?»
«Снова не так».
«Значит, в нашем краю
«Злая болезнь объявилась — чума».

- Защити!— говорят мне долины в упор,
- Защити!— говорят мне потоки и птицы,
- Защити!— говорят и колхоз, и столица,
- Защити!— говорят мне снега моих гор.
Я не двинусь назад, дорогие мои!
Я не двинусь назад!— отвечаю их взору.
Я не двинусь назад! О, сады мои, горы!
Я не двинусь назад! О, ручьи, соловьи!
Лучше пусть не увижу небесную твердь!
Лучше сердце мое разорвется на части!
Лучше мука любая, любое несчастье!
Лучше тысячу раз пережить свою смерть!
Лучше смерть! Здесь лишь голые камни, песок,
Ни воды, ни цветов, ни зеленых растений,
Но когда бы я сделал хоть шаг отступленья,
То позорный мой жребий да будет жесток!
Август 1942

ТЮЛЬПАНЫ

Перед тобой багряные поля!
Тюльпаны расцвели,— решаешь ты,
Но ошибаешься: в крови земля,—
Перед тобою вовсе не цветы.
А ведь и здесь недавно жизнь цвела,
Здесь май стоял в цвету и цвел июль.
И пламенел в степи тюльпан — «лола»,
И щелкал в роще соловей — «буль-буль».
Но мирных соловьев здесь больше нет,
И степи не в тюльпанах, а в крови.
На Украине миллионы бед
И свищут пули, а не соловьи!
И реки крови льются без конца,
То кровь бойцов, кровь женщин и детей,
Кровь брата твоего и кровь отца,
И кровь сестры и матери твоей.
Но если хочешь, чтоб тюльпан сиял

И славил соловей твои пути,
Священной мести обнажи кинжал,
И отомсти, и дважды отомсти!
И если хочешь смыть всю кровь с земли,
И если хочешь, чтоб цвели луга,
Возьми винтовку и патрон возьми —
Прицелься точно и убей врага.

Ноябрь 1942

ПАРТИЗАНЫ

Над деревней стоит тишина,
По деревне летает зола.
В ту деревню — худа и бледна —
Молодая крестьянка пришла.
Обошла всю деревню кругом —
Полон ужаса девичий взгляд.
Где семья? Где родительский дом?
Только черные трупы лежат.
Только трупы. Живых — никого.
Мертвый брат перед нею лежит,
И на черное тело его
Равнодушное солнце глядит,
Громко плачет, рыдает она,—
Слезы льются из скорбных очей.
И великой печали полна,
Появилась старуха над ней.
Задаёт молодая вопрос:
«Где весенняя песнь соловья,
Где счастливый, богатый колхоз,
Где прекрасная юность моя?
Где веселая наша весна,
Наша музыка, наш хоровод?»
И вздыхает и плачет она,
Плачет, слезы горячие льет.
А старуха ласкает ее,

Гладит волосы дряхлой рукой.
Словно мать, утешает ее,
Словно дочери шепчет родной:
«Смех и радость колхозных полей,
Труд и отдых спокойного сна,
Наша музыка, наш соловей
И веселая наша весна,
И цветы нашей юной земли —
Неприятелю злomu на страх —
Улетели отсюда, ушли:
С партизанами бродят в лесах».
Июль 1942

В ЧАС ЗАТИШЬЯ

В час затишья, в окопном сне
Брежу дальнею Ферганой.
Лишь забудусь я — снится мне,
Будто рядом ты, тут со мной.
Но и в яви, в глухом снегу
За врагом слежу — ты со мной,
И заряд мой на смерть врагу
В черный ствол вложу — ты со мной.
Я в разведку — и ты со мной
Еле слышной тропой идешь.
Ты сама зовешь меня в бой,
И со мною ты в бой идешь.
Что ведет тебя, что зовет
В оцетиненный мой окоп?
Что ведет тебя в жар и в лед
В грохот битвы, в безмолвье троп?
Это — жизни и смысл и суть,
Смерть презревший призыв: «Живи!»-
Все живое ведущий в путь
Негасимый огонь любви.

Январь 1942

СНЕГ

Снег повалил, бушует буран —
С яростью северных завирух.
Будто все лебеди мира, слетясь,
Бело-серебряный сыплют пух.
Снег — затвердевший в холоде сфер —
Синего моря жидкий сапфир.
Снег — это жемчуг седых облаков,
Панцирь, которым блещет Памир.
Снег — это, может быть, сладкий сок
Дыни душистой, что капал с губ.
Может быть, снег — разлуки слеза,
Если ты милой девушке люб.
Снег — арычок, что в колхозном саду
Слух твой журчаньем не раз пленял.
Снег — на алой розе — росой
Глаз твой, как яркий алмаз, пленял.
Может быть, в море белых цветов
Россыпью солнц мельчайших он был;
Может быть, в зелени свежих трав
Вздохом мечтаний сладчайших он был...
Чем он бывал, чем он станет — снег,-
Я — не профессор, людей не учу.
Но чтоб фашистам саваном стал
Нынешний снег — я очень хочу.
Январь 1942

РАССТАВАНИЕ

С ы н:
Гони печаль — не поддавайся ей,
Не падай духом, горьких слез не лей,—
Пусть будет бодрость спутницей твоей!
В поход иду, готов я в дальний путь,

Скажи мне — «до свиданья», «в добрый путь».

М а т ь:

Я обещала — ни одна слеза

Не набежит на старые глаза,

Мать не согнут ни горе, ни гроза.

Мой ясный сокол, отправляйся в путь

Мой гордый лев, спеши в далекий путь!

С ы н:

За родину свою я выйду в бой.

Моя родная, вскормленный тобой

Героем буду в схватке боевой.

Иду в поход, готов я в дальний путь,

Скажи мне — «до свиданья», «в добрый путь».

Мать:

Прервать ребенка сон и жизнь цветка

Осмелилась жестокая рука, Протянутая к нам издалека.

Ты — сокол мой. Лети в далекий путь!

Ты — честь моя и слава. В добрый путь!

Сын:

Покой детей мне дорог, жизнь цветка

Мне тоже бесконечно дорога.

Я выйду в бой, я накажу врага.

Иду в поход, готов я в дальний путь,

Скажи мне — «до свиданья», «в добрый путь»

Мать:

Пока в петле не будет людоед.

Пока он заслоняет белый свет,—

Отрады мне на белом свете нет.

Иди, убей злодея. В добрый путь!

Мой гордый лев и сокол, в добрый путь!

Сын:

Пока с врагом не рассчитаюсь я,

Пока он не раздавлен, как змея,—

Не знай отрады, стойкая моя!

В поход иду, готов я в дальний путь.

Скажи мне — «до свиданья», «в добрый путь»

Мать:

Своей тропы не уступает лев,

Идет вперед, врага преодолев.
Будь храбрым львом, будь смел,
как Алпамыш,
Как Гор Оглы,— и в битве победишь.
Сражайся до конца. Клянусь тебе:
Я львицей встану на твоей тропе.
Погибнет сын, за сына выйдет мать,
От сына ли старухе отставать!
Счастливого пути, отважный мой!
Разбей врагов и приходи домой.
С походом поздравляю, в добрый путь!
Спешу, мой лев, мой сокол! В добрый путь!
Июнь 1941

ВЕСНА

Ты пришла — бессмертную надеждой,
Радуя, даря, даря, животворя,
Рея зорь стоцветною одеждой,
Радугой дождей своих горя.
У тебя опять обычай прежний,—
Будто бы играя, без труда,
К жизни будишь ты простор безбрежный,
Устали не зная никогда.
Тыдохнешь — и голые деревья
Вспыхнут цветом радостно кругом.
Ты пройдешь — и горные кочевья
Изумрудным заблестят ковром.
Чуть рассветом дали запылали,
Чуть сверкнул росой тюльпан полей,
Голос твой летит в степные дали,
Песнею будя к труду людей.
Девушку-колхозницу ты будишь,
Теплым ветром глядя по кудрям,
И весь день щедроты света будешь
Лить без счета долам и горам.
И в твоей улыбке весть благая,

Что обилен будет урожай,
Смейся, гостя сердца дорогая,
Смейся, радость жизни умножай.
В небеса ли синие, в глаза ли,
В ясные глаза ль твои гляжу...
Я свои заветные газели
В честь тебя, прекрасная, сложу.
Звоном соловьиного достана
Сад мой благодатно ороси,
В пиале багряного тюльпана
Счастлива вино мне поднеси.
Ты идешь и на землю низводишь,
Как фиалки, синий небосклон.
Ты во всем на нашу жизнь походишь
И в тебя безумно я влюблен.
Ты во всем подобна жизни нашей,
Но отлична от тебя она,—
Ты лишь миг сияешь, солнца краше,
А она —бессмертная весна.
Март 1937

ДЖАМБУЛУ

Ты образами ясными богат,
Наш месяц светлый, славный соловей!
Ты мыслями прекрасными богат,
Певец великий солнечных степей!
Твой голос радостен, струна твоя
Народа прославляет торжество.
Полна тюльпанами весна твоя,
Цветут тюльпаны лета твоего.
Едва притронешься к струне рукой,
И умолкает ветерок степной.
Едва прольешь мелодии свои,
Другие умолкают соловьи.
Озер просторы слушают тебя,
Луна и горы слушают тебя,

Созвездия в высоких небесах,
Потупив взоры, слушают тебя.
Пустыни оживляет твой напев,
Нам души наполняет твой напев,
Весенним расцветает цветником
И, как рассвет, сверкает твой напев.
Взлетает над землею он в зенит,
На пастбищах и на полях звенит,
Поет о ясном солнце наших дней,
О безотрадном прошлом говорит.
Он говорит нам о жестоких днях,
Когда страдал трудящийся казах,
Когда он лямку рабскую тянул
Под властью баев, и старшин, и мулл,
Под властью кулаков и богачей,
Под властью полицейских и царей.
Когда твоих ссылали храбрецов,
Когда твоих топтали храбрецов,
Когда терзали девушек твоих.
И тяжесть мук ломала крылья их,
Когда хватал за горло волк нужды,
И голода, и горя, и беды,
Когда рекою кровь лилась, но вот
За русским вслед восстал и твой народ.
И озарились дали пред тобой,
И лица засияли пред тобой.
Ты видишь — время кончилось невзгод,
Ты видишь — к радости борьба ведет,
Ты видишь — в щепки царский трон разбит,
Ты видишь — сердце радость не вместит,
Ты видишь — в жизнь превращены мечты,
Раскрепощенных женщин видишь ты,
Помолодевших видишь стариков,
Сияющих невест и женихов,
Цветы колхозов видишь и в цвету
Родную Эмбу и Караганду,
Балхаш, открылись Сырдарья, Аму
Ликующему взору твоему.

Хотя тебе и девяносто лет,
Но сердцем, но душою ты не сед,
И золотая голова твоя —
Сокровищница дум и песен свет.
Ты образами ясными богат,
Наш месяц светлый, славный соловей!
Ты мыслями прекрасными богат,
Певец великий солнечных степей!
Ноябрь 1936

УТРЕННИЙ ПОЦЕЛУЙ

I

Сегодня, встав утром, я встретил зарю:
Платок ее — белого шелка светлей,
Прекрасное небо, румянцем горя,
Волос завитки расчесало пред ней.
На лик ее светлый, любуясь, смотрю.
Он мнится то нежного шелка мотком,
То мрамором статуй, то слитком златым,
То, вдруг, перламутра роскошным цветком.
Рассвет, несравненная утра пора,
Картина пленительно-ярких тонов.
Год — книга, листы в ней - минувшие дни,
А утро — рисунок заглавных листов.
Природа пред утром — прекрасный бутон,
А утром пышной расцветает цветок.
Природу я с девушкой юной сравню,
Зарю же — с румянцем девических щек.

II

Зарю увидавши, все чувства мои
На крыльях взлетели, как птицы весной
И дивные виды чудесных картин
Проплыли, блестя искрометной игрой.

Цветные узоры поплыли, маня,
Их ткала весна мановеньем руки.
И, резвыми пальцами стукнув в окно,
«Идем»,— мне шепнули, смеясь, ветерки.
Им вслед из окна моего я смотрел
В ту даль, где исчезли они без следа.
И, мне посмотрев на прощанье в лицо,
Погасла последняя в небе звезда.

III

В долинах ночи тают тени.
Но дремлет солнце за горами.
Проходят юноши и девы.
В их песни вложен смысл веками.
Идут на фабрики, на поле,
Где хлопок зреет в дреме сладкой;
Кто улыбается, кто быстро
Целует милую украдкой.
Узнав о поцелуе утра,
Цветы распустятся пышнее
И ветер в танце закружится
От пряных запахов пьянея.

IV

Зачем красотою так мир напоен,
Что я насмотреться никак не могу?
Зачем огневая волнуется кровь,
И щеки пылают, как маки в цвету?
Зачем мои чувства бушуют в груди
И просится с губ торжествующий крик?
Зачем неустанно в сердечную глубь
Мне радость приносит промчавшийся миг?
Зачем к дивным песням природа зовет
Того, кто зимой был беспомощно нем?
Зачем мое сердце трепещет и ждет,
И рад я безмерно,— скажите,— зачем?

Ведь мозг — это зеркала тихая гладь,
Что жизнь отражает, как небо — река.
Затем мое сердце сегодня поет,
Что жизнь так прекрасна,
 что жизнь так сладка!

Август 1936

ОСЕННИЕ ПЕСНИ

I

В сезоне каждом прелесть есть своя,
И украшенья осени моей
Январского не хуже хрусталя,
Весенних украшений не бедней.
До блеска вымыто стекло небес,
Прозрачны воды. Листья, как парча.
Сладчайшей дыни тонкий аромат
Распространяет поутру бахча.
Чуть свет поднявшись, с севера на юг
В лазури птиц несется караван,
Они пушок роняют золотой,
И он парит, лучами осиян.
На осень солнце смотрит с высоты.
Сияет осень, в праздничном она —
В оранжевом и красно-золотом.
О, этот бархат, эта желтизна!

II

Я в сад вошел. Как хороши плоды!
Созрели персики и виноград.
Рубин и золото на всех ветвях.
Упала груша. Яблоки лежат...
Нельзя все это взором охватить.
Блестает запад и блестит восток.

Осенний ветер по саду летит.
То там, то здесь он отщипнет листок.
И молвят персики: «Мы — как шербет.
Кто нас не ел, тому виною сам.
Кто завсегдатай на пирах у нас,
Тот подтвердит — мы для сердец бальзам»,
И яблоки с улыбкой говорят:
«Не сглазь, прохожий, нас, мы — будто мед.
Кто яблоко хоть раз поцеловал.
Тот, поцелуям потеряет счет».
И груши говорят:
«Возьмите нас, Мы заслужили этого вполне.
Мы золоту червонному равны,
И мы, и золото в одной цене».
И говорит созревший хусайни,
Продолговатый, сладкий виноград:
«Взгляни, я бриллиант большой воды,
И словно капля я продолговат».

III

Прозрачны воды. Небеса — стекло.
Опять осенняя пришла пора.
Дехкан сзывая хлопок убирать,
Она в сияньи серебра пришла.
Шербет и соты в чашке принесла,
С горою всякого добра пришла.
Пришла с мешками доброго зерна,
С подарками, как бы сестра, пришла.
Неся колхозам славу и почет,
Однажды вновь она с утра пришла.

IV

Проснувшись, я у ветерка спросил:
«Какое время года предо мной?»
И ветерок мне отвечал: «Весна,
Сверкающая ризой золотой».

Сентябрь 1935

СТРАНА СОЛНЦА

(Девушке-парашютистке Башарат)

I

Взором птицы заглянул я в синеву,
Поманила беспредельность и зовет,
Захотелось полетать мне в вышине,
Опрокинуться в глубокий небосвод.
Небывало разделись небеса
В голубые самаркандские шелка,
И прозрачные запели родники
От дыханья, от касанья ветерка.
Не узнать сегодня хлопковых полей,
Обнаженных, опаленных зноем гор,
Не узнать сегодня розовых садов,
Опоясанных утесами озер.
Словно к празднику готовятся они,
Молодея, стали радостью для глаз;
Всю природу пригласили мы на той,
Славит мужество и юность звонкий саз.
Я на празднике веселый музыкант,
Флейту времени я бережно беру.
Вымыв волосы блестящие свои,
Вышло солнце, улыбаясь поутру.

II

Я пишу ему любезное письмо:
«Будь здорово в золотом твоём краю!
Посылает тебе родина моя
Драгоценную жемчужину свою».

III

Переполненный гудит аэродром,
О Башар-парашютистке все твердят,
Запрокинута, кружится голова,
Но не в силах отвести я жадный взгляд.
Взором птицы все гляжу я в вышину,
Где сияет в переливах аметист,
Если небо — как раскрытый парашют,
Значит, солнце — золотой парашютист.

IV

Вот проносится высоко самолет,
Ты скользнула с накрененного крыла,
И не знает изумленный человек,
Где ты мужество подобное нашла.
Парашют твой раскрывается. Тебе
Машет солнце золотым своим платком,
И на всем твоём подоблачном пути
Вьется ветер залетевшим мотыльком.
А навстречу расстилается земля,
И друзья тебе кричат: «Привет, Башар!
Получила ты от родины своей
Это мужество неслыханное в дар».

V

Скажет солнце:
«Кто посмел сюда войти?»
Я отвечу дружелюбно: «Солнце, стой!
Всем народом мы когда-нибудь придем
В твой небесный Самарканд
на славный той». Скажет ветер, что надменен и упрям:
«Дерзновенный, кто прошел моим путем?»
Я отвечу: «Героиня, и за ней
Мы по воздуху, как по мосту, пройдем».
Это в солнечные выси первый шаг,
Но навеки на странице золотой

Имя девушки записано Башар
И сияет путеводною звездой.

Сентябрь 1935

КАКОЕ ВДОХНОВЕНЬЕ

Петухи об утре прокричали,
Побледнели в небе лики звезд.
Разгорелись, расцвелились дали,
Как павлиний разноцветный хвост.
Чудится: по утренней равнине,
Драгоценной радуги цвета —
Золотистый, изумрудный, синий —
Разливает щедро высота.
Воздух льется, блещет, многоцветный,
Розовый, зеленый, голубой.
Мне в окошко ветерок рассветный
Постучал, сказал: «Лети со мной!»
Из окна я выглянул, и ветер,
Растрепав мне волосы, исчез.
Гаснут, тают звезды на рассвете,
«До свиданья!»— мне кричат с небес.
Я гляжу на светлое рожденье
Молодого, солнечного дня.
Ах, какое утром вдохновенье,
Сколько песен в сердце у меня!
Май 1935

ГНЕВ НАЗЫРА-АТА

Проплывает туча дождевая...
Дышат гневом старика черты:
Уронила туча, проплывая,
Три — четыре капли с высоты.
И Назыр-ата охвачен гневом,

Сжавши кулаки, старик стоит
Под холодным, хмурым, низким небом,
Небу раздраженно говорит:
«Чертов дождик,
Не виси над нами,
Небосвод, будь ясен и высок,—
Растоптал бы тучу я ногами,
Разодрал руками, если б мог!»
От обиды и негодованья
Искривились старика уста.
Весь дрожит и небу в назиданье,
Сжавши кулаки, кричит ата:
«Непогода чертова!
Слова мне
Опытом подсказаны моим,—
Можешь сыпать с неба даже камни,—
Хлопок родине сполна сдадим!»
...Старый он, а не слабеет воля,
Сил не израсходован запас.
Он идет на хлопковое поле,
Не спуская с низкой тучи глаз.
Декабрь 1934

ПОЭМЫ

ДУМЫ О КОКАНДЕ

1. ГОРОД

Нет города пленительней Коканда!
Я слышу снова зелени привет —
и в этой вечной прелести богатой
я убеждаюсь
 в каждый свой приезд.
Повсюду тут —
 куда я ни поеду
или куда гостей ни поведу —
я слышу речь и вижу тень Поэта...
Здесь на слуху стихи —
 и на виду!
Поэзия,
 ты заселила город
всем эхом строк,
 живущих меж людьми,
и Надиры к нам сходит нежный голос,
и медленное чтение Муками.
Сквозь улиц шум и тишины раскаты,
сквозь сон листвы, арычные зевки —
доносится могучий стих Фурката
и гневный,
 скорбный,
 едкий смех Завки!
О, сколько их
 здесь повстречали зори!
И как гремел,
бесстыдство поразив,
тот стих,
 преобразованный Хамзою
во флаг — и светоч,
 в песню — и призыв!
Едва приближусь, тайный знак озноба

уже слова тревожит наугад —
и каждого я представляю снова
из тех,

ушедших,

кем велик Коканд.

И свет и горечь в их высокой доле...

Откуда мощь, возвысившая мир?

Поил ли ты особенной водою?

Лепешкой чудотворною кормил?

Или иным их ветром обдувало,

даль задавала

смелой мысли пир,

и даже пыль с привычного дувала

слетала,

как космическая пыль?..

О нет!

Их суть, судьба их — быть сынами
своей эпохи.

И не оттого ль

досель в газелях остаются с нами

их упованья,

горести

и боль?

Существованья точная примета

так лепит облик, если ты не слеп,

так множит силу гордого примера

для каждого,

кто шествует вослед!

...И я иду по старому Коканду,

и улица показывает мне

свой тупичок,

спустившийся покато

к излюбленной Хамзою чайхане.

А эта вот чинара не забыла

тот дивный вечер,

тот мелькнувший миг,

когда в сопровождении Сабира

с поэмой новой

тут прошел Амин,
как некогда свиданье нас собрало
на том углу,
у юного ствола,
где старый тополь голосом собрата
теперь мне тихо молвит: «Как дела?...»
О милый город!
Юношей иль старцем —
стихом иль песнею пронзив года —
и мне бы в памяти твоей остаться,
как ты в моей
остался навсегда.

2. МУКИМИ

И вот я отправляюсь в глубь времен.
Прошу вас, тише... тише!
Из тумана,
сплетенного незнанием и враньем,
вот-вот бывшее
встанет невозбранно.
Фантазия! Так труден первый шаг,
так дорога коней твоих порода,
так путь суров —
покудова в ушах
не запоем высокий гимн полета.
Приметы быта,
дружества,
семьи,
заботы лет,
событий содроганье...
Кто мог бы оторваться от земли,
не стой на ней сперва
двумя ногами?
О память, мать искусства,
пособи!..
И вот, сквозь даль,
за стертыми чертами,

израненную раннюю мечту
и опыт поздний —
 все вместил он в строки!
Богатых алчность, бедняков беда,
согбенный стан и нищий пот на поле,
покорность черт,
 которая всегда
ему вонзала в сердце
стрелы боли,
и надо всем —
обман,
обман,
обман!..
Где ни пройдешь,
куда ни кинешь взора —
все лжет иль гнется:
эта, по домам
приевшаяся, лизоблюдов свора;
и важный, тучный, милостивый бай,
готовый раздавить тебя,
едва лишь
почувствует, что фразу любой
его не славишь
или дом не хвалишь;
и сладкогласные «чойфуруши»,
ужалить вас спешащие, как змеи,
коль, выложив последние гроши,
на их мошну
вы намекнуть посмели;
и ханжески-завистливый мулла,
корысть клеймящий именем пророка,
а сам — любого, если мзда мала,
готовый гнать от «божьего» порога;
и лживая зарвавшаяся власть!..
О господи, какой беды и срама
от них от всех он натерпелся всласть —
в каких душа
и ссадинах и шрамах!..

Путь дервиша — надежней..
Но и тот —
ни то ни се: ни рабство, ни свобода.
Так, может, впрямь
все зло земли — итог
обратного вращения небосвода?
Кто доказательства не наберет,
что в этом мире — все наоборот:
трудящийся — нищает что ни год,
а паразит —
жиреет год от года!..
Но стихи, ненависть.
И не гори
так яростно, сжигая сердце. Злое —
не все вокруг.
Да, впрочем,
и внутри
не все горячей сделалось золою.
Припомни время юности моей,
познания блаженное смятенье,
надежды парус
среди сухих степей,
костер в степи,
накрытый черной тенью.
Иль молодости неуемный взор,
не оскверненный видом стольких зол,
и в самом деле видит все вернее,
и перед ним грядущие года
не зря встают,
как горная гряда,
в тот звонкий миг,
в тот чистый час,
когда
рассветный диск возносится над нею?..
И стон,
и брань,
и кровь,
и свист плетей,

и этот жар безудержной наживы
заменит братство вечное людей,
свободный труд
и разговор нелживый!..
О завтра—Завтра!
Как тебя облечь
в живую плоть?..
Иль, вопреки злоречью,
твою живую я услышу речь
и в дерзостном стихе увековечу?..
А ночь сереет.
Поседел сандал,
и в худжру входит холод предрассветный,
грозя ознобом
дремлющим садам
и некой новой строчке нерасцветшей.
Как тихо, пусто!..
Вот он и один.
Один, один!
А некогда, бывало,
пока за гостем гость к нему входил,
сама заря сгореть позабывала.
Соратники, поклонники, друзья,
они усаживались тесным кругом,
то шуткой незлобивою разя,
то новой мыслью
поделившись с другом.
Как радовал
их неподдельный пыл!
С такую страстью обо всем судили,
что, может быть, и жар его сатиры
подчас внушен таким собраньем был.
Потом завладевал беседой всей
блеск аскии — как тысяча иголок
колола речь, что памятна досель!..
Потом вступала чья-нибудь газель —
как ная нежного
нежданный голос...

Или, порою, слово брал Фуркат
и в мощный ритм входил неторопливо,
ворочая стихами, как Фархад,
от родника отваливавший глыбы.

Баракалла!..

А вслед за тем, глядишь,
на миг застолье прерывала тишь,
и наступало музыки согласие,
хотя сперва бывало невдогад,
с чего начнет сегодня музыкант,
какой напев

своей возвысит властью...

Сменяя песню, их, как вихрь, нес
сверкающий, стремительный «Шахноз»,
звучал «Чоргох» печально и знакомо,
и, разносясь далеко за дверьми,
особенно любимый Мукими,
гремел мотив старинного макома...

И, как ни беден был порой обед —
им заменял обилье бахрибейт,
и музыка, и чтение, и споры,
и посреди всех напастей и бед
их тесный круг

служил для них опорой!..

Что ж ныне не доносятся шаги?

Где Фарзинчи с его волшебным таром?

Где Нисботи? Где яростный Завки,

Фуркат, отмеченный могучим даром?

Очнись!..

Очнись — и вспомни в темноте:

иных уж нет,

иные уж не те...

И ты один — за всех и перед всеми!

В углу, у двери, мгла еще черна.

Висящая на гвоздике чалма —
последний молчаливый собеседник.

Все так... И все же —

что-то здесь не так.

Пусть прожил ты несладко и несыто —
не все осталось в прожитых годах,
не все,

не все просеялось сквозь сито.

Что сказано — то сказано не зря.

Пусть крепость тьмы неколебима вроде —
призыв к добру и обличенье зла
не канули

в мирском круговороте.

Они еще настанут, времена,
с идущим днем разительно несходны,
когда посеянные семена
дадут свои невиданные всходы.
Нетленно слово.

О, благодарю!

Все блага временны. Нетленно слово.

Низвергнутое в черную дыру,
оно из мрака возвратится снова.

И то, что ты писал в тоске, во тьме,
в отчаянье,

в полубезумной вере -

сверкнет, как вспышка, в чьем-нибудь уме -
и вечностью

оплатится мгновенье.

Ты в одиночестве? Распался круг?

Все сгнуло — и взгляд и голос друга?..

О, потерпи!

И ты очнешься вдруг

в кольце еще не виданного
круга.

3. НАДИРА

Салом алейкум, Надира-бегим!

Благодарю счастливый этот случай:

вас повстречать, рассудку вопреки,

увидеть вас

и в день и в час ваш лучший.

знающему горестный конец
блистательнейшего повествования?..
Я промолчу. Я сгинуть предпочту
иль онеметь,
чем эту тайну выдам,
и на развязки красную черту
не намекну ни словом и ни видом.
Я знаю все, что будет, наперед
и все ж молюсь сияющей минуте:
остановись!..
О, сжался, грозный рок!
О, беды, эту женщину минуйте!..
Пока финал завешивает мгла
и тень легла над белыми листьями,
ответь, история:

как ты могла
предать мечу подобное создание?
Не упредить,
не отвести удар,
высокий дух укрыв от страшной дани;
срубить под корень этот дивный дар,
как дерево

с цветами и плодами?
Скрижаль нема.
Но не глаза ль глядят,
застывшие при тягостном вопросе?
Нет,
тень пуста в пустых глазницах дат,
и черточки недвижно переносье!..
Не вороши могил,
не ворожи:
былую боль исчерпать не пора ли?
Напрасных сожалений виражи
безжалостной не разомкнут спирали.
Что жизнь одна?
Что сотня лишних строк?
Что — малый камешек, из кладки вынут?
Они заветный не приблизят срок,

событий роковых не отодвинут.
Что было — было. Принимай, как есть.
За лепкой стен — каркаса деревянность!
Чему дано торжественно расцвести,
тому дано трагически увянуть.
И — посмотри на женщину: легли
на гладь листа
томящиеся руки.
А ты-то мнил:

 в неведение любви
она не чует будущей разлуки!..
Ты позабыл:
 перед тобой поэт.
Бессмертие к минуте приурочив,
он между строчек
заклучает свет
нечаянно пронзительных пророчеств.
Она, не зная, знает о себе
все главное.
Она так ясно судит
и так читает в собственной судьбе —
как будто

 по раскрытой книге судеб.
И в эту жизнь,
на этот смертный бой,
на дпящийся немислимо экзамен,
на вечное сражение с собой
она идет

 с открытыми глазами.
На смерть любимого.
На смерть любви.
На вдовый век
 без радости и ласки.
На одиночество между людьми.
На роковое безрассудство власти.
Ей чудится костей грядущих хруст,
ей снится путь
 и радостней и легче.

И все ж она несет свой тяжкий груз,
не раз ломавший

и мужские плечи!

Ни блеск,

ни трон,

ни страх перед сумой —

на это все идет она во имя

того лишь,

чтоб прожить собой самой:

своей душой и мыслями своими.

Какие чувства по ночам шалят!

Как беки лгут —

и, что ни день,

коварней!

Какие сети

ставит шариат!

Каких соседи

козней не ковали!

Все вытерпеть:

терпенье — не новей

лжи,

лести,

злости,

подлости сановной.

И — на ноги поставить сыновей,

стать верой,

честью,

мудростью сыновней.

И вот еще: как этот мир ни лют,

как ни жесток затеянный порядок,

и о тебе подумать,

бедный люд,

забытый на пирах и на парадах.

Лишь твой-то вклад, по сути, и весом

в казну весны,

и осени,

и лета;

лишь твой-то труд и явлен нам во всем,

что силой человеческой согрето!

Тут нет секрета...

Милуем, грозим,

ведем войну,

и празднуем,

и правим,

а ты все пашешь,

столько лет и зим,

из века в век

отчаянно бесправен.

Да, ты — основа!

Сколько ни форси

ученостью,

как ни старайся снова

блеснуть своим изысканным фарси,

а душу жжет

народной песни слово.

Так пой же, пой!

Пускай душа горит,

и горя груз больше давит плечи,

и новый лист со мною говорит

на отческом, пронзительном наречьи.

Так пой же, пой!

Я, может быть, видней

красой одежд, изнеженностью стана,

и все ж я только женщина, а ей,

как всем и каждой,

счастья не достало!

Пой, подпевай!

Я в песне изолью

тоску мою, и то, что сердце спело,

ты повтори —

бери строку мою,

коль время слез иль радости пришло!..

...Вот где отрада. Вот где жизнь и свет.

Спит двор и стража, челядь спит и дети.

Одних созвездий бодрствует совет.

Движенью дум — одна свеча свидетель.
И лег ли снег иль бродит запах роз,
тишь или ветер шествует по саду —
один в мозгу витийствует вопрос,
таящий страх,

надежду

и надсаду.

Коль созданы — куда же мы уйдем?

Наш ум, и страсть,

и мужество, и память —

случайно ль их вселили в этот дом,
чтобы потом

на слом за ним отправить?

Иль понемногу, в долгом беге лет,

мы под другие переходим крыши —
в другие души?..

Будет ли ответ?

Поймем ли мы его,

если услышим?

Но, боже мой, ведь он же в нас самих!

И нам внушен не волею небесной:

лишь дело наше,

лишь творенья миг

небытия одолевает бездну!

Так, только так!..

...Туманен сад дворца,

и в утреннем пейзаже неразъятом

мне чудится овал ее лица,

и блеск венца,

и лист, простертый рядом.

Салом алейкум, Надира-бегим!

Вы — в нас, в других...

Но как мой дух уверен:

что вами спето — никаким другим

не спеть устам

и не исполнить перьям.

Еще вы юны в этот ранний миг,

еще легки и счастливы покуда.

И все ж вы правы: это в нас самих —
наш путь,
 и смерть,
 и воскресенья чудо.
Как даль страшна,
 кокандская Стюарт!
Там, в этой дали, в глубине овала,
палач готов, и нукеры стоят,
и жуток лик кровавого финала.
Но миг есть дальше, дальше!
 Это в нем,
влюбляясь, восхищаясь и ревнуя,
я вижу вас, кокандским ранним днем —
прелестную,
 бессмертную,
 живую.

*Коканд — Ташкент.
Январь 1968— февраль 1969*

СПОР

Еще спала за окнами заря,
и соловьи садовые молчали,
лишь ветер ждал,
как судно на причале,
чтоб выйти в небо,
 звездами соря.
И тут под нами
 дрогнула земля..
Качнулась — точно пол неверной сцены!
И поползла на дрогнувшие стены
упорных трещин
 черная змея.
О, этот миг описан тыщу раз!
Любым из нас
он памятен —

недаром

мы метим черным листик календарный,
когда опять подходит этот час.

И я не стал бы затевать рассказ,
свое и ваше убивая время,
чтоб написать картины повторенье,
давным-давно написанной для вас —
но все мне чудится

(с тех самых пор,
когда земля впервые закачалась)
ко мне во тьме донесшийся, казалось,
двух голосов непримиримый спор.

Как различил,
и сам я не пойму,
те голоса

за суматохой всею:
принадлежал один —
землетрясению,
ну, а другой —

Ташкенту самому...

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ:

Ташкент, ты чувствуешь?

Я снова здесь!

Опять в ночи возникло под тобою.

Тебе я снова оказало честь —
твоей надолго сделалось судьбою.

Я сила та —
которой нет препон!

Передо мной
бессильны люди, камни...

Ни разумом, ни мощными руками
меня смирять не смели испокон.
Мы повстречались сотню лет назад,
и ты не мог прийти в себя

полвека!

А впрочем, ты ведь это помнишь сам...

Или тобой

забыта злая вежа?..

ТАШКЕНТ:

О нет, я тот
отлично помню год...
Но нынче-то зачем, скажи на милость,
ты снова подо мной зашевелилось?

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ:

О, ты ведь стал собою слишком горд!
На весь Восток ты рассиялся светом!
И, верно,
все же позабыл при этом,
как грозен мой непрошенный приход...
Когда мы повстречались прошлый раз,
полсотни лет

свои лечил ты раны.

Но, стало быть,
воспрянул слишком рано!..
Не-ет,
нынешних ты не залечишь ран.
Ты слышишь треск?
И пыль стоит столбом!
За домом дом,
ложатся ниц кварталы...
Смотри:
полгорода уже не стало!

ТАШКЕНТ:

Ты было б радо убедиться в том...
Но нет:
трещит лишь то, что старо, ветхо.
Ты новых стен
не сдвинуло моих!
И главное, что ты смешало их —
два времени,
два несравнимых века!

Пойми:

покуда мощь твоя спала,
настала в мире новая пора,
и новая возникла в мире сила —
итог великих и победных лет!
И это жизни нашей суть и символ —
тот вечный пламень дружбы негасимой,
тот вечный дух, в сердцах сердец носимый,
который

 никому не одолеть!

Какой бы ты удар ни нанесло,
какие бы ни сочинило беды —
та сила отвратит любое зло,
в любой беде

 отыщет путь победы!

Ты слышишь: день еще не занялся,
а уж в эфире —

 дружбы голоса,

свою нам возвещающие помощь...

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ:

И все-таки ты этот день запомнишь!

Я не один готовило удар —
я нанесу тебе их

 сотни, тыщи!

И я сейчас любую клятву дам:

тебя сыны

на карте не отыщут!..

ТАШКЕНТ:

Что ж, поглядим!

 Я начинаю бой...

Иду на битву с собственной судьбой!

За окнами гудело и светало.

Быть может, спор и в самом деле смолк,
но больше

 слов я различить не смог.

Я вышел в утро,

 в тесноту квартала...

Висилица, каторга и кнут...
Для детей своих страна была
Не родное лоно, а табут.
В те года великий жил поэт.
Светочем всезнанья одарен,
Жаркой кровью сердца записал
О жестоком веке правду он.
Силою правдивых слов своих
Пошатнул он тяжкий трон царя,
Для народа счастья он искал,—
И свободной истины заря
Пламенела в сердце у него.
В песнях ярким пламенем горя,
Их омыли горечью своей
Слез народных темные моря.
Потому донныне стих его
Заставляет биться в нас сердца,
Потому не меркнут никогда
Яркие лучи его венца.

* * *

Но ему, великому, пришлось
Сколько унижений испытать.
Грязью оскорблений лик его
Низкая забрасывала знать.
Черные пороки, клевета,
Сплетни, дрязги, подлость и разврат
Облегли осадой его,
Источая на него свой яд.
И друзья в петле и кандалах,
И над ним самим царева месть,
Рабство и невежество вокруг,
И его поруганная честь...

* * *

Озаренная луною ночь

Из-за моря южного встает.
И поэт у моря, и над ним
Ореолом звездный небосвод.
Он стоял на темном берегу,
Руку положив себе на грудь
И у ног его шумел прибой,
Ударяясь в каменую круть.
Бушевал глухой морской простор
И поэта сердце чаровал,
Неумолчный гул могучих волн
Звезд ночных, казалось, достигал.
И глубокой думой обуян,
На морскую ширь глядел поэт.
Мнилось: на вопросы дум своих
В шуме волн он находил ответ.
Да он сам был морем, и над ним
Берегом громады скал вознес
Весь его жестокий темный век
В гуле гнева и в потоке слез.
Морем сердце бушевало в нем.
Далеко шли волны бурных строф,
Против унижений, клеветы,
Против лжи, насилья и оков,
Против гнета тюрем и плетей,
Против самовластья и царя...
Эти звуки сотню лет прошли,
С прежней силой ныне говоря.
Вытерпевший оскорбленный град,
Одинок во дни поры своей,
У свободных правнуков в стране
Он нашел теперь своих друзей.
В наши дни он заново рожден.
И от черной пыли злых годов
Освобождено, как ясный день,
Блещет золото его стихов.
Вновь для вечной жизни он рожден,
Не затмит забвение его.
Дивный светоч гения его

Блещет ярче солнца самого.
И чем больше в даль его стихов
Смотришь, тем просторы их ясней.
То сверкают молнией они,
То ласкают, ветерка нежней.
Вечности печать несут они,
Ни забвенья им, ни смерти нет,
И чем дольше будут жить они,
Тем победней будут лить свой свет.

Февраль 1937

ПО ДОРОГЕ В УФУ

Мелькают разъезды, перроны...
Раскинулась степь широко.
Она мне видна из вагона,
Вся белая, как молоко.
Вот вырос за окнами белый,
Ручищи раскинувший вяз.
А ночь подремать захотела
И лунный прищурила глаз.
Уснули замерзшие воды,
Сугробы, снега-горбуны...
Наверное, зимней природе
Весенние видятся сны.
Лежат пассажиры на полках,
Тяжелым объятые сном.
С соседом не дремлем мы только,
Ведем разговоры вдвоем.
Вот месяц, ушедший за тучи,
На небе мелькнул и погас.
Мой друг, мой случайный попутчик,
Я помню твой горький рассказ.
«Ее называл я невестой,
С ней вместе учился и рос.
Мы вместе работали, вместе

В селе создавали колхоз.
Веселой, отважной, проворной,
Второй не могло быть такой.
Таких больше не было черных
Очей, отнимавших покой.
Запомню я косу тугую,
Смеющихся глаз огоньки...
Такую любил я. Таковую
Боялись враги-кулаки.

И вот моей милой не стало:
В ночи прогремел дробовик,
И кровью окрасились алой
Трава и журчащий родник.

Я видел цветы золотые,
Я видел травинки в крови
У края ручья, где впервые
Поклялись мы в первой любви.

Ужели нам по лесу снова
Вдвоем не ходить, не гулять!
Она у ручья полевого
Любила цветы собирать.

Остались ручьи полевые.
Под сенью зеленых ветвей.
Остались цветы золотые,
Но нету невесты моей!»

И, вымолвив горькое слово,
Ты вдруг головою поник.
Я знаю: прошедшее снова
Прошло пред тобою в тот миг.
Ты брови нахмурил, но скоро
Их вскинул, глазами блеснув:
«Не кончилась битва, в которой
Погибла моя Айсулув.

И жизнь не стояла на месте,
Боролись мы, сеяли хлеб.
Колхоз, что мы создали вместе,
Давно возмужал и окреп».
Вдвоем мы сидели с тобою,
Мой спутник, случайный сосед,
Но вот уже стало нас трое,
И был этим третьим рассвет.
Его золотистое пламя
Взметнулось, и месяц погас.
И солнце взлетело, как знамя,
На подвиг зовущее нас.
Мой друг на разъезде за Волгой
Сошел, попрощавшись со мной.
И вслед я смотрел ему долго,
С подножки махая рукой.

Март 1934 — декабрь 1935.

ЛЮБОВЬ К НЕМУ

Как сокол, летящий дорогою гроз,
Летит по путям паровоз.
Я с радостью вижу, — он слился вдали
С цветущим раздольем долин.
Пролейся, все мое торжество,
На кончик пера моего!
Проходят пред взором, пред сердцем моим
Пейзажи один за другим.
Закат. И пахнет цветами ладонь ветерка.
Над бездной, над океаном цветов —
Атласное пастбище облаков.
Вот они рядом
С неба сползли
И мраморным цветом
На землю легли.
Страна моя —

Калейдоскоп картин:

Хлопок ложится
На бархат долин.
Белая,
Синяя,
Зеленая земля —
Хлопковые поля!
Красок пожар
Глаза мои жжет —
Цветок за цветком
(Где им предел?)
Этот красен,
А этот желт,
А этот бел...
Изумрудом долин
Легла земля,—
Тянутся бесконечные
Хлопковые поля...
Рассвет нарастает,
Сверкая вдали
Изумрудным свеченьем земли.
Гуляют и дышат
Желанья мои

И просят долины:

«Люби нас! Люби!»
Я знаю: обширны красоты природы —
И пламя заката,
И пурпур восхода,
И мраморный отблеск ее облаков,
Зеленые космосы пышных лугов,
Реки, озера, моря, ручейки,
Тенистая улочка у реки,
Горы и звезды, луга, облака
Над розовым телом цветка...
Природа! Обширны красоты ее!..
Великое, вечное бытие...
Разнообразны красоты ее!
Но в хлопковом поле сердце мое!

Вот они тянутся — широки
Белого золота цветники...
Тих океан изумрудного дня,
Волны цветов захлестнули меня:
Неиссякаемая глубина!
Сердце нырнуло до самого дна...
Любовь к белому золоту
Нас научила
Смеяться молодо!
К страшным дорогам
В огне и дыму
Нас провожала
Любовь к нему!
В светлое утро,
В рассветный час
Любовь к нему
Пробуждала нас.
И в жаркий день,
И в ночную тьму
Трактор водила
Любовь к нему!
Жаркою кровью нас налила,
В лучших ударников произвела.
Любовь к нему
Заслонила след
В черную яму
Прошедших лет,
Оковы разбила,
И вот мы вместе,
И вот мы ударники
Дела чести!
Любовь к нему —
Это наша судьба.
Это — порох и бунт
В сознание раба.
Это — наша плоть.
Этот — наша кровь.
Это — мир изменяющая любовь!

И новому миру —
Его любя,
В рабочем строю
Отдаю себя!
На новой дороге,
На светлом пути
Обычаям старым
Не расцвести!
Цепи обычаев вековых —
С мозгов и с сердец
Снимаем своих!
Где бы он ни был,
Обычай старый,
Найди его —
Изгони, пролетарий!
Нам нового мира
Душа дорога,—
В пустыню смерти
Мы гоним врага!..
Хлопок шуршит,
Ветерком волнуем...
Стоим на посту,
За него воюем!
За новый мир
Мое сердце радо
Барьеры брать
И ломать преграды,
На вызов врага
Отвечать огнем...
Мы били!
Мы будем бить!
Мы бьем!
И кровь молодая
По жилам бьет,
И новое время
Хлопком цветет,
И падает в пропасть ночная тень
Страна, улыбаясь, встречает день.

Как сокол, летящий дорогою гроз,
Летит по путям паровоз.
Я с радостью вижу —
Он слился вдали
С цветущим раздольем долин...

Сентябрь 1931—1935

ДЖАН-ТЕМИР

Не имел он жены и детей,
Одинокий и бедный джигит.
Ни угла, ни постели своей.
Был, несчастный, он всеми забыт.

И с утхами незнаком,
Шел, измученный, через мир,
Шел истерзанным пастухом
Молодой джигит Джан-Темир.

Еще фонарь небес не угасал,
Не откочевывали звезды, нет,
Не окутывал небеса
В золотистый яхонт рассвет.
Не рождалась еще заря,
Золотою улыбкой горя.

Облаков белопенный вал
Перья золота не отрясал,—
Лишь один Джан-Темир вставал,
Палку грустно свою волоча,
Уходил он со стадом в поля;
Зеленела ковром земля,
Окружая его печаль.

Может быть, может быть, в тех местах
Расстился рассветный дым,

И сверкали долины там
Переливчатым блеском своим.

Может быть, украшая мир,
Всем на радость устроив пир,
Заливались на флейтах своих
Грациозные соловьи.

Может быть, молодые ветра,
Начиная свой путь с утра,
Дуя, вея, играя с травой,
Лили радость в сердце его.

Может быть, говоря ему: «Ты,
Ты утешься, наш грустный брат».
Колыхались кругом цветы,
Тихий, ласковый бросив взгляд.

Птицы, легким взмахнув крылом
И увидя, что нищ он и сир,
Может быть, говорили о нем:
«Он пришел, дорогой Джан-Темир».

Может быть, начинаясь вдали,
Возникая в горах, не здесь,
Серебристые воды текли,
Как приятная, сладкая песнь.

И с высокой горы они вниз
Упали прообразом дня,
Рассыпаясь на тысячи брызг,
Колокольчиками звеня.

Мир был тихой росой покрыт.
Наступала рассвета пора.
И, быть может, как резвый джигит,
Перед ним возвышалась гора.

И, быть может, встречая день,
Говоря: «Мне сам черт не брат»
На широкие плечи надев
Синий шелковый, яркий халат.

Тюбетейку белых снегов,
Серебристую, сдвинув чуть,
Улыбаясь, прося подойти,
Там глядела она на него,
Приглашала его отдохнуть
У подножья ее, на пути.
Нет, он этим не мог согреться!
Хоть была и нежна и легка,
Но ни капли покоя в сердце
Не роняла улыбка цветка.

Мог ли счастье найти он в цветах,
Когда горе над ним неслошь?
Изо всякого грязного рта
Оскорбление в сердце лилось
И вонзалось, как острый кинжал,
Набухало, как гнойный нарыв,
Уязвляло десятками жал,
Раны старые все растравив.

Когда время кричало: «Держись!»
И влекло его в ночь и тьму,
Когда цепкими лапами жизнь
Горло сдавливала ему;

Когда с горькой приправой обид,
Жребий свой проклиная стократ,
Он глотал, наш несчастный джигит,
Вместо пищи ужасный яд,—
Так о счастье ль цветы прокричат,
Соловьи ль утешенье дадут,
Раз лежит в его сердце печаль,
Словно старый ленивый верблюд?

Но в садах его Сердца тогда
Было некому песни петь,
И свободно не смели туда
Птицы радости прилететь.

В те печальные времена
Приходила в долины весна,
Наслажденья не дав ему,
Потому что он нищ и кому
Пастуха-бедняка жалеть?
Потому что тело ему
Жгла проклятая байская плеть.

И подошвы хозяйских сынков
Ему сердце давили в кровь,
Омрачая и душу и мир,
Оскорбляя и чувство и честь.

И в глазах твоих, Джан-Темир,
Загорелись и сила и месть.
И в железные мускулы вновь
Гнев, и силу, и ярость крепя,
Ударяла волною кровь,
Не стихая, бунтуя, кипя.

В злое время царей и эмиров,
В злых объятых мучительных лет,
Сколько их, молодых джан-темиров,
Шло печально по старой земле!

Шли несчастными батраками,
Чайрикерами, малаями,
Шли голодными пастухами...
И тянулись унылые дни,
Время тягостное прошло.
Но совсем не сдавались они,

Как бы ни было им тяжело,
Сколько б ни было ям на пути,
Бед и тяжестей на горбу, —
Продолжали они вести
Против жадных хозяев борьбу.

Шли дожди, наступало тепло,
И вертелась земля и неслась.
Очень много воды утекло,
И победа в победу вплелась.

Джан-темиры, бывшее поправ,
И насилье прокляв: «Гори!»,
И невиданной силы набрав
От дыханья могучей зари,
По дорогам гремящей земли,
В сердце радость вложив бойцов,
За героями города шли,
Целовали победу в лицо.

Знает он, молодой Джан-Темир,
Что прекрасен и радостен мир
И что сердце горит огнем,
Когда воля и счастье в нем,
Что, сжигая бывшее дотла,
Руку мощную дав беднякам,
Наша партия их привела
К этим славным и доблестным дням.

Сентябрь 1931